Черт из табакерки

Автор:
Дарья Донцова

Черт из табакерки

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #1

Ну и имечком наградили меня родители! Представляете сочетание – Виола Тараканова. Но родные и близкие называют меня просто Вилкой. Тяжело мне живется с таким именем, хронически не везет. Вернее, не везло до того дня, когда я встретила на улице потерявшую память девушку. С этого момента вся моя жизнь изменилась. Решив отыскать родственников Веры, я обнаружила, что нашла свое настоящее призвание. Раньше я любила читать детективы, а теперь поняла, что нет ничего интереснее, чем самой быть детективом. Только я потянула за первую ниточку этого дела, как наткнулась сразу на три трупа. Да, круто начинается мое первое расследование...

Дарья Донцова

Черт из табакерки

ГЛАВА 1

Где много женщин, там почти всегда скандал. В особенности, если милые дамы выясняют, кто из них красивее. Как правило, хорошим это не кончается. Да что говорить о смертных, если даже богини перессорились между собой из-за обладания золотым яблоком с надписью: «Прекраснейшей». Зевс отказался

решить их спор и послал их к Парису, сыну царя Трои, а тот возьми и присуди яблоко Афродите, пообещавшей ему в жены прекраснейшую из смертных. А кончилось все это Троянской войной. Так что я в споры красавиц не вмешиваюсь и делаю свое дело.

Мысли крутились в голове, а руки машинально выполняли работу – собирали с кресел разбросанные колготы, белье и прочие дамские штучки. Я работаю сейчас в Доме моделей, а «вешалки» страшно неаккуратны. Снимут с себя чулочки и швырнут посередине комнаты. Кроме того, они глупы, ничего, как правило, кроме газеты «Мегаполис», не читают, и все разговоры в раздевалках крутятся в основном вокруг денег и мужиков. Пока мне не пришлось устроиться на работу в Дом моделей Германа Губенко, мир моды виделся издалека чем-то сказочным, роскошным… Прекрасные женщины, шикарные платья, изумительные духи… На поверку все оказалось совсем не так. Девушки, пока над ними не поработает визажист, выглядят не слишком привлекательно. Многие модельки прикладываются к бутылке, кое-кто не брезгует и героином. На «языке»-то они все небесные создания, а «за кулисами» творят удивительные вещи. Ради выгодного кастинга[1 - Здесь: отбор манекенщиц для показа моделей.] девчонки готовы на все. Бритвенные лезвия, подложенные сопернице в туфли, – далеко не самая жестокая выдумка. Так что я бы на месте многих матерей подумала, стоит ли толкать дочерей на этот путь. К высотам пробиваются единицы, и не всегда успех зависит от красоты. Клаудиа Шиффер, например, в обыденной жизни просто высоченная немка с крупноватыми ступнями и капризно надутыми губами.

Я сгребла с диванов кучу бумажных салфеток, вытряхнула в большой пластиковый мешок мусор и принялась собирать разбросанные повсюду бутылки из-под минеральной воды. «Вешалки» озабочены своей внешностью донельзя и постоянно опрыскивают лицо минералкой. Причем не каким-нибудь «Святым источником», а французской водой «Эвиан» по шестьдесят рублей за триста миллилитров.

Да, нужно признаться, что, хотя моя должность и называется весьма значительно – менеджер по офису, – на самом деле я являюсь самой обыкновенной уборщицей, стою на нижней ступени социальной лестницы, и подняться по ней мне уже, очевидно, не удастся. В 35 лет поздно начинать жизнь сначала. Впрочем, если разобраться, не везло мне с самого младенчества.

Маменьки своей я не знаю. Естественно, существовала биологическая единица, родившая меня на свет. Но вскоре после выхода из родильного дома матушка поняла, что ребенок – это сплошная докука. Плачет по ночам, просит есть, да еще к тому же нужно стирать пеленки и покупать ползунки. Мамуля почувствовала, что не готова к подобным испытаниям, и в один жаркий летний день просто-напросто сбежала от моего отца. Так я ее никогда больше и не видела, не осталось даже фотографий: папа в порыве злости изорвал все до единой.

Впрочем, его можно было понять. Тяжело мужчине с младенцем, даже если он работает дворником и может выкатывать коляску во двор и приглядывать за ребенком, размахивая метлой. Вскоре у меня появилась мачеха Раиса – большая, толстая, неаккуратная баба, жарившая восхитительные блинчики. Про нее нельзя сказать, что она была злая – падчерицу, то есть меня, Рая колотила, только когда напивалась пьяной. Но запои случались у нее не часто, примерно раз в месяц. Я же, достигнув шестилетнего возраста, уже хорошо знала, что, если тетя Рая появляется на пороге комнаты с лихорадочным блеском в глазах, следует моментально ужом проскальзывать в дверь и нестись куда глаза глядят, но подальше от родимого очага. Чаще всего глаза глядели в сторону булочной. Тамошние продавщицы любили меня, угощали калорийными булочками с изюмом и карамельками «Чебурашка». Выждав часа два-три, я возвращалась домой и находила тетю Раю на кровати. Из груди женщины вырывался молодецкий храп, звук которого наполнял мою душу невероятным блаженством – раз храпит, значит, не станет драться. Утром Рая, совершенно не помнившая того, что было вчера, охая и держась за голову, вытаскивала из плиты черную чугунную сковородку и принималась жарить блинчики.

– Ешь, несчастье, – говорила она, шлепая на тарелку поджаренный кусок теста, – жри от пуза да зла на меня не держи. Видишь, люблю тебя, блины завела. Ну а если вчера по зубам насовала, так в семье чего только не бывает. Бью – значит, за свою держу. А ты тоже будь похитрей, видишь, тетка отдыхать собралась, не лезь под руку, забейся в уголок да пережди. Усекла?

Я молча кивала и проворно жевала ароматное угощение. Никогда больше, ни в одном другом доме я не ела таких блинов.

Наверное, Рая каким-то образом оформила надо мной опеку, потому что папенька слинял в неизвестном направлении в тот год, когда я пошла в первый класс. Вообще говоря, Раиса могла сдать меня в детдом и жить себе

припеваючи. Работала она уборщицей, трудилась одновременно на четырех ставках, драила лестницы в подъездах, а еще бегала по людям, хватаясь за любую работу. Мыла окна, убирала квартиры, прогуливала собак, притаскивала картошку с рынка.

Надо заметить, что, когда исчез мой отец, мы стали жить намного лучше, можно сказать, вздохнули полной грудью. Отпала необходимость содержать алкоголика, покупать ему каждый день бутылку и пачку сигарет. Получалось, что только на винно-водочные изделия уходило около шести рублей в день, а за месяц набегало почти двести целковых – зарплата инженера или учительницы… Так что после его пропажи нам стало только лучше.

Рая сделала в «хрущобе» ремонт, постепенно в комнатах появились люстра производства ГДР, польский палас, болгарская мебель и замечательный кухонный гарнитур: шкафчики, покрытые серым пластиком в розовых цветочках. Мне они нравились невероятно. Все у нас стало как у людей, и в школу я пошла в коричневом платьице, белом фартучке и ажурных гольфах. Рядом со мной возвышалась толстая Раиса с огромным букетом гладиолусов. Ради праздника тетка нацепила бордовый костюм из джерси и мучилась в непривычной одежде.

Первые три класса пролетели мгновенно. Странное дело, но господь наградил меня хорошей головой. Объяснения учительницы я ловила на лету и никаких трудностей в учебе не испытывала. Все казалось легким – русский, чтение, математика и даже немецкий. Другие дети рыдали над домашними заданиями, а родители писали за них сочинения. Рая даже не заглядывала ко мне в тетради и дневник. Собственно говоря, делать это было незачем. Никаких оценок, кроме пятерок, там не было.

В пятом классе к нам пришла новенькая – тихая, застенчивая Томочка Попова, и нас посадили за одну парту. Через два дня выяснилось, что одноклассница не знает ничего. Читала она еле-еле, в математике абсолютно не смыслила, а по-русски писала с чудовищными ошибками. Но наши учителя не ругали девочку. Томочкин папа занимал высокий пост в Министерстве иностранных дел, частенько катался за границу, и милые преподавательницы щеголяли в обновках, подаренных щедрым Виктором Михайловичем. Поэтому Тамару и подсадили ко мне. Классная руководительница знала, что я пожалею одноклассницу и разрешу ей списывать контрольные. Так и вышло. Томка принялась сдувать у меня домашние задания, а на самостоятельных работах я успевала решить два варианта.

Как-то под Новый год Тамара позвала меня к себе в гости. Никогда раньше мне не приходилось бывать в таких квартирах. Бесконечные коридоры и большие комнаты, даже ванная у них была величиной с нашу кухню, а в «пищеблоке» мог бы совершить посадку вертолет «Ми-8». Виктор Михайлович и Анна Леонидовна оказались людьми не чванливыми, кем работают мои родители, не спросили, а просто накормили одноклассницу дочери разными вкусностями.

Я стала гостить у них в доме, вернее, приходить туда каждый день после школы и уходить, когда заканчивалась программа «Время». Скоро Поповы превратились для меня в дядю Витю и тетю Аню, а Томуську я стала считать кем-то вроде двоюродной сестры. Впрочем, и сами Поповы держали меня за родственницу: покупали мне одежду, кормили и постоянно ставили Томке в пример. Та и правда отвратительно училась, но не из-за лени, а от отсутствия способностей. Вот и верь после этого в генетику! Мне, ребенку алкоголиков, досталась светлая голова, а Тамара, дочь более чем благополучных родителей, получила от господа железные мозги, проворачивавшиеся с огромным скрипом.

Все хорошо было у Поповых, но более всего меня привлекали в их квартире книги. Дядя Витя собрал великолепную библиотеку. В бесчисленных шкафах тома стояли так тесно, что, для того, чтобы вытащить нужную книгу, приходилось попыхтеть. Дюма, Майн Рид, Джек Лондон, О'Генри – все это я прочла залпом. Потом добралась до Вальтера Скотта, Золя, Бальзака, Виктора Гюго и Проспера Мериме… За ними последовали Мельников-Печерский, Куприн и Чехов… Но самое большое удовольствие, как ни странно, я получила от классиков детективного жанра – Агаты Кристи, Эллери Куина и Рекса Стаута. В начале 70–80-х годов мало кто из москвичей имел возможность читать произведения этих авторов, но дядя Витя, сам страстный поклонник криминального чтива, привозил из загранкомандировок небольшие томики в мягких ярких обложках, правда, на немецком.

Попов свободно владел языком Гете и Шиллера, я же ходила в так называемую немецкую спецшколу, и в нас всячески всовывали перфекты и презенсы по два урока в день. Но, честно говоря, выучила я язык только благодаря детективам.

После окончания школы Тамару пристроили в МГИМО, элитарный институт, где учились дети высокопоставленных чиновников, а меня отправили в архивный. Дядя Витя, решивший за нас все проблемы, категорично заявил:

– Значит, так, детка. Вижу у тебя острый ум и чудесную память. Получишь диплом, пойдешь в аспирантуру, напишешь кандидатскую, ну а тогда уж подумаем об отличном месте работы. А Томуська, будем надеяться, выйдет замуж за дипломата, и все устроится наилучшим образом.

Но вышло не так, как рассчитывал дядя Витя. Чудесным июньским утром они с тетей Аней, оставив нас готовиться к очередной сессии, отправились на дачу, но до поселка со славным названием «Собачаевка» не добрались: в их новенькую голубую «Волгу» со всего размаху влетел «КамАЗ», груженный бетонными блоками. Оба, слава богу, погибли сразу, не успев понять, что умирают. Мы с Тамаркой остались сиротами. Тетя Рая давным-давно лежала на кладбище, а других родственников у нас вроде бы не было.

Началась полоса несчастий. Огромная квартира Поповых, в которой мы весело провели детство, оказалась служебной, и никто не собирался оставлять ее Тамаре. В качестве жилплощади ей предложили крохотную однокомнатную квартиренку в Медведкове. Решив, что лучше иметь хоть какую-нибудь площадь, Тамара согласилась. Затем невесть откуда появился пронырливый мужичонка, назвавшийся сотрудником Управления делами МИДа. Он взялся продавать мебель и всяческий скарб погибших дядя Вити и тети Ани. Мы все равно не могли разместить все эти вещи в моей крошечной двушке, а доставшаяся Тамаре площадь оказалась настолько мала, что в нее не влезал даже обеденный стол.

Мужичок принялся за работу, увез все и… исчез в неизвестном направлении. Мы кинулись в МИД и выяснили, что он не имеет к ним никакого отношения. Кстати, дачу тоже отобрали, так как и она оказалась казенной. После всех событий у Тамары случился нервный срыв, и она не смогла учиться дальше. Мне же пришлось по своей воле бросить институт: кто-то должен был зарабатывать на хлеб и котлеты. Правда, мясо мы едим редко, потому что Тамара регулярно болеет и приходится тратиться на лекарства.

Где я только не работала! Нянечкой в детском саду, санитаркой в больнице, уборщицей в продмаге… При коммунистах, будь ты хоть семи пядей во лбу, устроиться без диплома на приличную работу было нереально. После перестройки появились иные возможности. Сначала торговала «Гербалайфом», потом трясла на рынке турецкими тряпками, затем пристроилась в риелторскую контору агентом… Но нигде не получала ни морального удовлетворения, ни достойной зарплаты. Потом в конце тоннеля забрезжил слабый свет. Мы живем с Тамарой в моей двушке, а ее жилплощадь всегда хотели сдавать, но охотников

на апартаменты с трехметровой кухней-нишей не находилось. И вдруг объявилась съемщица – смешливая Леночка, студентка театрального вуза. Больше пятидесяти долларов она не могла нам платить, но мы были просто счастливы. Говорят, что радости, как и беды, ходят парами. Не успели мы прийти в экстаз от изумительно красивой зеленой купюры, как позвонила наша соседка Наташа Климова.

– Слышь, Вилка, – сказал она.

Простите, забыла представиться. Мои родители невесть почему дали мне имя Виола. Если учесть, что фамилия папеньки Тараканов, станет понятна реакция людей, с которыми я знакомилась официально. Виола Тараканова! Каково звучит?! В школе я страшно переживала и ужасно стеснялась своей фамилии, но потом учительница истории рассказала про князей Таракановых, и я слегка утешилась. В конце концов, даже в Третьяковской галерее, куда нас повели всем классом, висела картина «Смерть княжны Таракановой». Да что там, у нас в школе учился мальчик по фамилии Жопочкин. Итак, бог с ней, с фамилией, но вот имя! В 1975 году на прилавках магазинов появился плавленый сыр «Виола», и все друзья принялись звать меня Сырная помазка. Так что Вилка – это еще не худший вариант.

– Слышь, Вилка, – завела Наташка, – ты ведь у нас немецкий знаешь?..

– Немного, – осторожно ответила я, не понимая, куда она клонит.

– Подтяни моего оболтуса, двойку в четверти получил, – попросила соседка.

– Что ты, – замахала я руками. – Какая из меня учительница, найми репетитора.

– Да, – протянула Ната, – никто дешевле десяти долларов за урок не берет. Мне, сама понимаешь, такое не по карману, но сто рублей могу. Два раза в неделю!

– Нет, – подавила я искушение, – не умею обращаться с детьми, поскольку своих не нарожала.

– Вилочка, – взмолилась Наталья, – а ты попробуй!

Так я стала «буксиром» для восьмилетнего Темы, толстенького мальчика, больше всего на свете любящего поесть. Неожиданно дело пошло. Тема начал получать четверки. Мы с Тамарой приподняли головы и даже переклеили обои. Одна беда: Тамара все время болеет, аллергия буквально на все, плохая печень, боли в желудке, мерцательная аритмия, артрит, остеохондроз, мигрень. Легче перечислить, каких болячек у нее нет.

В Дом моделей я попала случайно. Соблазнилась дополнительным заработком. Платили две тысячи в месяц, а начинать трудиться нужно было с восьми вечера, когда «вешалки» уже разбегаются кто куда. Ученик мой в это время спит, а лишние денежки не помешают. Я надеялась набрать небольшую сумму и махнуть с Тамарой в августе на Азовское море. Говорят, там дешевые фрукты, вкусная рыба и чудесный климат.

Закончив уборку, я выпрямилась и глубоко вздохнула. Ну вот, спина просто разламывается, пора домой, стрелки часов подобрались к полуночи, а Тамара ни за что не ляжет спать, если меня нет. Закрыв двери и отдав ключ охраннику, я выпала на улицу и тихонько поползла в сторону метро. Внезапно от угла дома отделилась тоненькая фигурка.

– Простите, – пролепетала девушка, заглядывая мне в лицо, – не могли бы вы сказать, где я нахожусь?

Я внимательно посмотрела на нее. Небось пьяная или наркоманка. Но от женщины ничем таким не пахло, а худенькие руки, высовывавшиеся из коротких рукавов слишком легкого платья, не были покрыты синяками.

– Пожалуйста, – шептала девушка, – подскажите…

У нее было удивительно располагающее лицо. Карие, слегка раскосые глаза делали молодую женщину похожей на козочку. Тонкий, аккуратный нос, маленький, но красивый рот. Легкие пряди светло-каштанового цвета прикрывали уши, а нежная белая шея свидетельствовала о том, что ей лет двадцать пять, не больше. Впрочем, было в ней что-то странное, непонятное, какая-то изломанность, нервозность, возможно даже, истеричность. И одета она была как-то не по сезону. Май в этом году жаркий, но все же не до такой степени, чтобы натянуть на себя нечто, больше всего похожее на ночную рубашку. Приглядевшись повнимательней, я поняла, что на ней была именно

ночнушка.

ГЛАВА 2

Все сразу стало на свои места. Бедняжка больна, скорей всего психически.

– Вы в Москве, – тихо сказала я, – на Сонинской улице, тут недалеко метро… Вам куда?

– Не знаю, – пробормотала женщина, – не знаю, впрочем, спасибо.

Я кивнула и пошла вперед, но потом меня словно что-то толкнуло в спину, и я обернулась. Девушка потерянно стояла у стены, зябко поеживаясь. Черт возьми, ее нельзя оставлять одну в таком состоянии. Не дай бог еще изнасилуют или убьют, хотя взять у бедняжки нечего. Ни цепочки, ни колечек, ни сумочки… Я развернулась и подошла к несчастной.

– Где ты живешь?

– Не знаю, – улыбнулась она, – наверное, дома.

– Адрес знаешь?

– Нет.

– Как ты сюда попала?

Девушка пожала плечами:

– Не помню.

– Где же ты живешь? Ну неужели ничего в голову не приходит? – повторила я вопрос.

Бедняжка напряглась:

– Нет.

Я с жалостью поглядела на нее. Такая молодая, и вот, пожалуйста. Нет, мы еще хорошо живем с Тамарой, ну подумаешь, не слишком обеспечены и не можем себе позволить вкусную еду и хорошую одежду, но психически-то здоровы! А здесь ужас, да и только. Ну и что теперь делать? Оставить несчастную одну на улице? О таком и помыслить невозможно – она погибнет. Вести в милицию? Да я потрачу кучу времени, и Тамара заработает сердечный приступ, сидя у входной двери. Остается одно.

– Пойдем, – велела я и взяла девушку за безвольную тонкую руку.

Несчастная покорилась и, чуть прихрамывая, двинулась со мной. Я поглядела на ее ноги и увидела, что они обуты в простые резиновые шлепки, многие носят их вместо домашней обуви. Скорей всего она живет где-то неподалеку. Но Сонинская улица длинная, густо заставленная многоэтажными зданиями. Ладно, сейчас пойдем к нам, спокойно переночуем, а утром сообщу в правоохранительные органы.

Томочка открыла дверь моментально.

– Опять нервничала в прихожей? – рассердилась я. – Ну сколько можно говорить, что ничего со мной не случится! Легла бы спать спокойно.

– Ну не злись, – улыбнулась Тамара, – просто шла в туалет, а тут звонок.

Я хмыкнула и втащила свою сумасшедшую внутрь. Девушка стояла безучастно. Тамара с удивлением посмотрела на нее, но ничего не сказала. Моя подруга невероятно деликатна и ни за что не воскликнет при види незнакомого человека: «Это кто?» или: «Зачем ты ее приволокла?»

Раз я привела посреди ночи незнакомую женщину, значит, так надо. Тамара никогда со мной не спорит, она на редкость интеллигентна и патологически неконфликтна.

– Пойди помой руки, – велела я, открывая дверь в ванную, – потом выпьем чайку. Ты есть хочешь?

Девушка кивнула.

– Замечательно, – обрадовалась Тамара, – у нас потрясающие картофельные котлеты, «Докторская» колбаска и тортик «Причуда». Вы любите вафли?

Незнакомка провела рукой по волосам и пробормотала:

– Не знаю, наверное.

– Вот и хорошо, – как ни в чем не бывало продолжала Тамара. – Умывайтесь и идите на кухню.

Женщина послушно принялась мыть руки. Пока она приводила себя в порядок, я быстро сообщила Тамаре, как было дело.

– Очень правильно сделала, – похвалила подруга. – Ее могли убить. Представляешь, как сейчас родственники волнуются?!

Я вздохнула. Вполне вероятно, если только они сами не выгнали ее из дому. Иногда родные бывают безжалостны к таким больным. Но Тамара святой человек, и никакие гадости никогда не приходят ей в голову, я же не слишком человеколюбива.

Минут через пятнадцать мы съели вкусные биточки и принялись лакомиться тортом.

– Ой, – внезапно сказала девушка, указывая пальцем в сторону холодильника, – кто это?

– Не бойтесь, – успокоила Тамара. – Мыши, просто две хорошенькие и крайне замечательные мышки.

Примерно полгода тому назад мы обнаружили на кухне мышь. Я сначала хотела опрыскать все углы отравой, но Томочка воспротивилась:

– Не надо их убивать, давай лучше прикормим!

Вообще говоря, я бы с удовольствием завела кошку, но у Тамары аллергия на шерсть. Иногда роскошный перс соседки Наташи приходит к нам в гости, и Тамара тут же обвешивается соплями и принимается отчаянно чихать и кашлять. Поэтому кота у себя мы поселить не можем.

Первое время мыши пугались и выходили только ночью, в темноте. Мы оставляли им в блюдечке молоко и клали в розетку кашу. Затем зверушки осмелели и начали выбираться из укрытия днем. Мы назвали их Билли и Милли. Честно говоря, половая принадлежность мышей осталась для нас загадкой, но Тамара предложила считать их семейной парой. Теперь Билли и Милли частенько сидят у мойки, когда мы ужинаем. Ведут себя мыши вполне пристойно, в квартире не гадят, едят только предложенное им угощение и не грызут мебель. Честно говоря, я их нежно люблю. Милли охотно дает себя погладить, а Билли не идет в руки. Зато он уморительно чистит усы, сразу обеими передними лапами. Если у нас в этот момент сидят гости, тут же начинается смех. Но Билли не пугается, по-моему, он обладает актерскими задатками. Во всяком случае, в присутствии публики он совершает туалет особенно тщательно.

Но наша неожиданная гостья не засмеялась, она даже не улыбнулась, а просто протянула:

– А, мыши…

– Как вас зовут? – спросила Тамара.

Девушка отставила чашку и пробормотала:

– Не помню, ничего не помню.

Ее глаза лихорадочно забегали из стороны в сторону, лицо покраснело, над красиво изогнутой верхней губкой появились капельки пота. Мне не понравилось ее волнение, и я невольно взяла в руки кухонное полотенце. Вдруг она буйная? Схватит сейчас нож и кинется на нас!

Но Томуся ласково опустила хрупкую руку на плечо безумной.

– Такое случается. Вот я пошла вчера в магазин и встала у прилавка. Зачем, думаю, явилась? То ли за молоком, то ли за сахаром?

Вдруг девушка печально улыбнулась:

– Но как-то ведь меня зовут?

– Давайте называть имена, – обрадовалась Томочка, – вдруг какое-нибудь знакомым покажется?

– Ладно, – покладисто ответила гостья.

Я отложила полотенце и расслабилась. Кажется, она не злобная.

– Лена, Наташа, Оля, Маша, – начала перечислять подруга, всматриваясь в лицо бедолаги. – Галя, Соня, Марина, Оксана…

Но гостья никак не реагировала.

– Даша, Женя, Валя, – включилась я в игру, – Римма, Таня, Таисия…

– У нас же есть словарь имен! – подскочила Томочка.

Сказано – сделано. Мы принялись листать странички. Удача пришла на букве В.

– Вера, – прочитала я.

Девушка неожиданно сказала:

– Вот это мне нравится.

– Чудное имя! – с энтузиазмом воскликнула Томуся. – Давайте на нем и остановимся. Вера, Веруша, Верочка.

– Верочка, – эхом отозвалась незнакомка и неожиданно зевнула.

– Пошли спать, – предложила я.

Мы начали устраиваться. Квартирка у нас маленькая. Одна комната семнадцать метров, она исполняет роль гостиной. Тут стоит телевизор, диван и два кресла. Другое помещение поменьше, оно превращено в спальню. Тамара спит в дальнем углу, а я около окна – меня не берут никакие сквозняки.

В нашей крохотной «хрущобе» есть еще пятиметровая кухня, ванная размером с ракетку для настольного тенниса и прихожая, где еле-еле уместилась вешалка; если считать на квадратные метры, то их наберется, по-моему, около тридцати, а может, и меньше.

У нас с Тамарой множество знакомых, мы обзаводимся ими моментально. Томочка может разговориться с женщиной в метро и подружиться с ней на всю жизнь. Так было с Леной Волковой. Томуся ехала в поликлинику, а рядом в автобусе стояла симпатичная толстушка. Сначала обменялись ничего не значащими фразами, потом вышли на одной остановке… И теперь вот уже десять лет как лучшие подруги. Костя Рощин приехал к нам на «Скорой». Это был тот редкий случай, когда медицинская помощь понадобилась мне. Развешивала белье в ванной, поскользнулась и упала, приложившись лбом о раковину. На мой взгляд, ничего особенного не произошло. Моей черепушке, бывало, и похуже попадало. Пару раз тетя Рая довольно ощутимо долбала меня скалкой. Голова потом кружилась и сильно тошнило. На этот раз я просто ойкнула, скорей от неожиданности, чем от боли, но Томуся перепугалась и набрала «03». Явился Костя, и теперь его карма лечит нас постоянно. На кладбище, приводя в порядок могилу дяди Вити и тети Ани, я свела знакомство с Олей Потаповой, недавно похоронившей мать… А еще ведь есть бывшие одноклассники, коллеги по работе, соседи… Словом, наша записная книжка по толщине напоминает географический атлас, и все проблемы мы, как правило, решаем по телефону. Друзья знают об этом и частенько обращаются с просьбами. «Бюро неотложных добрых дел» – так называет Костя Разин Тамару, потому что она с невероятной готовностью кидается всем на помощь. Посидеть с ребенком Сони Леоновой, которой захотелось пойти в театр? Пожалуйста. Взять на месяц кошку Наташи, потому что соседка едет отдыхать? Нет вопросов. Отчаянно чихая, Томуся начнет вычесывать перса. Отдать последние деньги в долг Сене Малышеву, разорившемуся в результате дефолта? С огромным удовольствием, если накопленные нами две тысячи его спасут…

В нашей крохотной квартирке частенько остаются гости. Вы не поверите, но мы можем одновременно устроить на ночлег четверых. Все очень просто. Два кресла в гостиной трансформируются в кровать, а диван раскладывается. Правда, ложа получаются слегка узковатыми, но переночевать вполне можно. Впрочем, в крайнем случае с балкона вытаскивается раскладушка; только тому, кто на ней устроится, придется не слишком комфортно – ноги в прихожей, а голова на кухне.

Но сегодня предстояло позаботиться всего лишь об одной Вере, и мы мигом соорудили кровать. Девушка, одетая в Томусину пижамку, рухнула на диван и заснула, едва успев донести голову до подушки. Томуся поправила одеяло и задумчиво пробормотала:

– Вот странно.

– Что?

– Имени не помнит, фамилии, конечно, тоже. Где живет, не знает, а основных навыков не потеряла…

– Ты о чем?

– Ну смотри, – рассуждала Томуся, – руки мыла с мылом, ела нормально, правда, только вилкой, но ведь не все ножом пользуются. В туалет сходила и спустила за собой воду…

– Подумаешь, – пожала я плечами.

– Всегда считала, – продолжала Томуся, – что ненормальный патологичен во всем. Ну, например, ест мыло и пытается мыть руки в цветочном горшке.

– А Леня Рюмин? – спросила я. – Никто и не скажет, что он шизофреник, если Ленька не в больнице. И потом, Ван Гог явно был психически болен, ухо себе отрезал, а вспомни его гениальные картины… Между прочим, Достоевский болел эпилепсией!

Томуся поморщилась:

– Ван Гога не люблю, его полотна патологичны, сразу понятно, что у живописца были проблемы с головой. Нарушенные пропорции, какие-то завихрения.

– Ну это ты хватила, – возразила я, укладываясь в кровать, – а Эль Греко? Вот уж у кого беда с пропорциями. Лица вытянуты, руки длиннее ног кажутся…

– У Эль Греко, возможно, был дефект зрения, – зевнула Томуся, – он, должно быть, писал как видел, а видел искаженно. Ван Гог же воспринимал действительность болезненно.

– Ага, – пробормотала я, чувствуя, как сон закрывает глаза, – согласна.

– Эпилепсия болезнь не души, а тела, – донеслось из угла. – Достоевский был нормален!

Но я уже не смогла ничего ответить и погрузилась в сладкие объятия Морфея.

ГЛАВА 3

Звонок прозвучал в абсолютной тишине. Я распахнула глаза и поглядела на будильник – 6.40. Кто бы мог прийти в такую рань? Нашарив ногой тапки, я слезла с кровати. Звонок затрезвонил вновь, настойчиво и долго. Чья-то рука без тени сомнений жала на пупочку, человек, стоявший за дверью, явно хотел всех поскорей разбудить.

– Что случилось? – пробормотала Томуся.

– Спи, пойду погляжу, – ответила я и вышла в гостиную.

Верочка не подняла головы, очевидно, резкий звук не потревожил девушку. Я подошла к двери и без лишних расспросов распахнула ее. У нас нет «глазка», и, честно говоря, мы никого не боимся. Красть тут нечего, а для сексуально озабоченного мужика найдутся кадры помоложе.

На пороге возникла полная женская фигура, замотанная, несмотря на теплый май, в чудовищную темно-синюю кофту с капюшоном.

– Здрасьте, – пробормотала тетка. – Никишина тут проживает?

– Нет, – хотела было ответить я, но вдруг припомнила, что это фамилия тетя Раи, и ахнула.

– Вам Раису Николаевну?

– Слава богу, – вздохнула нежданная гостья, – добрались! А я-то грешным делом боялась, вдруг чего не так… Квартиру поменяла… Входи, Криська, доехали. – Она втащила в прихожую огромную клетчатую сумку. За ней тихо, словно тень, двигалась девочка, тоненькая, какая-то бестелесная.

– Здравствуйте, – прошелестел ребенок и встал у зеркала.

И от девочки, и от женщины крепко пахло грязной головой и немытым телом.

– Ну, – заявила тетка, – и где Райка?

От неожиданности я выпалила:

– Она умерла, давно, шестнадцать лет почти прошло.

– Да что ты говоришь! – всплеснула руками пришедшая и, рухнув на табуретку у входа, завыла в голос: – Ой, горе-горькое, ужас приключился, несчастье черное, ох беда, беда, сестричка дорогая, единственная душа родная на всем белом свете…

Я не люблю кликуш и истеричек. Из всей выплеснутой информации до меня дошло только одно: нежданная гостья – сестра тети Раи. Странное дело, мачеха никогда не говорила, что у нее есть родственники.

– Ой, ой, ой, – причитала баба, раскачиваясь из стороны в сторону, – горе-горюшко.

Такая скорбь показалась мне немного странной. Не видеть сестру целую вечность, не знать о ее смерти и теперь вдруг так убиваться… Девочка безучастно стояла рядом с сумкой, грызя ногти. Потом она тихо спросила:

– Ну и куда мы теперь, тетя Зоя? Опять на вокзал?

Женщина неожиданно прекратила истерику и сказала:

– Все, Криська, дальше ехать некуда, добрались! Нам на улицу идти, а тут чужие люди живут? Вы Раисе ведь никто?

В моей голове разом возникла картина: стонущая тетя Рая шлепает на мою тарелку блинчики.

– Ешь, Виолка, тебе испекла, знаю, ты их любишь!

А вот она встречает меня из школы и, разглядывая дневник с отметками, вздыхает:

– Точно, академиком станешь, большим человеком. Иди-ка в комнату да глянь на кровать.

Я бегу в спальню и нахожу на подушке уродливого косорыленького мишку, которого Раиса купила в «Детском мире», не пожалев ни пяти рублей, ни времени на поездку в магазин. Правда, тут же роились и другие воспоминания.

Вот она лупит меня почем зря кухонной тряпкой, а потом храпит прямо на полу в гостиной…

– Я ее дочь, – неожиданно произнес мой язык.

– Вот радость! – взвизгнула тетка. – Племянница дорогая!

Растопырив руки, она ринулась ко мне и моментально заключила в вонючие объятия.

– Раздевайся, Криська, – велела тетка. – Добрались-таки, чай не выгонят на улицу. Или как?

Она заискивающе заглянула мне в лицо.

– Сумку отнесите в гостиную, да помойтесь с дороги, – велела я.

Через полчаса мы сидели за столом, и неожиданно свалившаяся на наши головы «родственница» рассказала нехитрую историю.

С Раей они не виделись много лет. По молодым годам Зойка выскочила замуж за симпатичного паренька – строителя и уехала из Москвы. Они с мужем ездили первое время по разным городам, а потом осели в Грозном. Хорошее место, великолепный климат, жили в собственном доме на окраине города да радовались. В саду цвели алыча, персики и сливы, по двору бегали цесарки, куры и индюшки. Зоя научилась у соседок местной стряпне и теперь щедро посыпала блюда кинзой и тертыми грецкими орехами. С Раисой они не встречались. Правда, 14 апреля, на день рождения сестры, Зойка отправила давным-давно открытку. Ответ пришел аж через два года. Раиса сообщала, что по старому адресу более не живет, вышла замуж и писать следует в другое место, телефон она не указала. Зоя отправила небольшое послание, но Рая отчего-то не пожелала вступать в переписку. Зоя не слишком горевала – большое хозяйство отнимало кучу времени, к тому же она работала парикмахером, слыла отличным мастером, и к ней вечно вереницей шли клиентки.

Потом начался ужас – первая чеченская война. Но Зое необычайно повезло. Российские танки наступали с другой окраины Грозного, и их с мужем дом остался цел. Пережив этот кошмар, она успокоилась. Слава богу, все цело, жизнь продолжается. Но стало совсем плохо, перестали платить зарплату, и Зоя начала стричь постоянных клиентов бесплатно. «Ладно, – успокаивала она себя, – ладно, все живы, дом цел, огород есть, прокормимся».

Но затем случился еще больший ужас – вторая чеченская война. Ивана, супруга Зои, убили боевики, признав в мужике русского. Ее саму спрятали соседки-чеченки; дом сожгли, а нехитрое имущество частично разворовали, а что не понравилось, уничтожили. Зоя осталась буквально на улице, хорошо хоть успела вытащить коробочку с документами. Начались хождения по мукам. Как она

добиралась до Москвы, Зоя не могла вспоминать без слез. Путь растянулся почти на полгода. Они голодали, просили милостыню, питались на помойке. Да к тому же в голове постоянно билась простая мысль: «Что, если Раиса сменила адрес?»

– Значит, вам некуда идти? – уточнила я.

– Нет, – покачала головой Зоя и разрыдалась. Девочка, которую, очевидно, звали Кристина, безостановочно ела куски хлеба с маслом.

– Тебя стошнит от жирного, – тихо сказала Тамара.

– Не-а, – пробормотала девчонка, запихивая в рот толстенные кусищи, – вкусно очень.

– А ну прекрати людей объедать, – неожиданно выкрикнула Зоя и с размаху отвесила Кристине оплеуху.

Девочка поперхнулась, закашлялась, но не заплакала, очевидно, побои были для нее привычным делом. А может, просто не обращала внимания на колотушки, я же в детстве сносила молча затрещины тети Раи.

– Вы не волнуйтесь, – залепетала Зоя, – она мало ест, сейчас чегой-то прорвало, а так… Ну супчику полтарелочки или каши какой, без мяса! Один раз в день!

– Нас не пугают дети с хорошим аппетитом, – медленно проговорила Тамара, – не бейте ее.

– Работать пойду, – неслась дальше Зоя, – профессия в руках нужная, парикмахер, деньги рекой потекут. Нам бы только где голову преклонить. Криська может что-нибудь по хозяйству; убрать, стирать, готовить. Уж не гоните нас!

Я поглядела на Веру, абсолютно безучастно евшую геркулесовую кашу. Славная, однако, компания подбирается! Ненормальная девица и безработная беженка с девочкой. Ну зачем я назвалась Раисиной дочерью? Надо немедленно внести ясность и… Что? Выставить их на улицу? Усталую, измученную женщину и оголодавшую до последнего предела девочку?

– Никто вас не гонит, – твердо сообщила Тамара, – ешьте, отдыхайте, а там решим. Сейчас позвоню Ольге Подкопаевой, у них в больнице санитарок берут, дают общежитие, а кушать можно в столовой, от больных много остается.

– У нас прописки нет, – напомнила Зоя.

– Ничего, – легкомысленно отмахнулась Томуся, – у нас приятель Юрка в милиции работает, поможет.

– Счастье-то, счастье! – закричала Зоя и бросилась на пол. – Давай, Криська, становись на колени, кланяйся моей племяннице золотой, дай, дай поцелую…

И она, вытянув вперед руки, поползла ко мне на коленях. Я в ужасе отпрянула и налетела на Веру, которая по-прежнему без лишних эмоций глотала овсянку.

Томочка побледнела и кинулась поднимать Зою, но та как-то странно выпучила глаза, потом приложила левую руку к груди, тихо сказала:

– Печет очень, прям огнем горит, – и упала на бок, неловко подогнув правую ногу.

Тамара понеслась к холодильнику за валокордином, но влить в Зою лекарство мы не смогли. Она не желала ничего глотать, пахучая жидкость текла по подбородку, глаза, странно открытые, не мигали.

Приехавшая «Скорая» тут же вызвала милицию: Зоя умерла. Началась томительная процедура. Сначала прибыли два парня, которые изъяснялись как индейцы, или глухонемые, в основном знаками с небольшой долей междометий.

– А-а-а, – пробормотал один, – ты, это, того, в общем.

– Да, – отреагировал другой, – оно, конечно, надо бы.

– Ну давай, – велел первый.

– А-а-а, – протянул второй, – надо, да?

– Да! – припечатал первый.

Следом появился мужик постарше, владевший все же словарным запасом людоедки Эллочки. Он быстро навел порядок. Записал наши с Тамарой паспортные данные, повертел в руках документы, найденные в сумочке у Зои, и раздраженно протянул:

– Ну ни фига себе, головная боль, прописка в городе Грозный и регистрации нет.

– Она наша дальняя родственница, – быстро сообщила Томуся, – только что прибыла.

– Сердце небось больное, – то ли спросил, то ли определил милиционер и сел писать какие-то бесконечные бумаги.

Кристина и Вера как испарились. Я же решила уточнить ситуацию и поинтересовалась:

– Вот предположим, нашла на улице человека без памяти, что делать?

– Как это нашла, – буркнул мужик, – валялся в канаве?

– Нет, женщина в ночной рубашке стояла возле дома. Ничего не помнит – ни как зовут, ни фамилию…

– И где она? – заинтересовался мент.

Но мне отчего-то не захотелось говорить правду, и я быстренько ответила:

– Ну это так, для общего образования.

– А раз так, – гавкнул мужлан, – то нечего мешать людям работать, итак из-за вас столько времени зря потерял!

Я уставилась на него во все глаза. Интересное дело, можно подумать, что он играет в симфоническом оркестре, а тут его заставили ехать «на труп». Да ведь

это и есть его работа! Ну погоди, грубиян, привык небось бабулек с укропом от метро гонять.

Сделав самое сладкое лицо, я защебетала:

– Понимаете, пишу детективные романы, придумала интересный поворот: главная героиня находит на улице женщину, потерявшую память. Как ей следует поступить?

– На такой случай, – принялся словоохотливо пояснять только что крайне нелюбезный сотрудник правоохранительных органов, – существуют приемники-распределители, доставят туда.

– А дальше? – не успокаивалась я.

– Ну, – милиционер почесал голову шариковой ручкой, – там обученный персонал, разберутся.

– Как?

– В больницу свезут психиатрическую, лечить станут, она все и вспомнит.

Я тяжело вздохнула. Знаю, знаю, какие порядки в этих милых учреждениях. Целый месяц, польстившись на приличную зарплату, мыла полы в сумасшедшем доме. Выдержала только тридцать дней и с позором бежала. Ей-богу, не знаю, кто там страшнее – несчастные больные или средний медицинский персонал. Невероятные вещи проделывали они с теми, кто пытался спорить с медиками. Пеленали мокрыми простынями, привязывали на сутки к кровати. Я уже не говорю об уколах аминазина. Никто не станет лечить несчастную Верочку, подержат несколько месяцев – и сдадут в приют, поселят возле никому не нужных стариков и олигофренов. Я невольно вздрогнула:

– И это все?

– А чего надо? – удивился мужик. – Государство заботится о таких людях.

Еще хуже. Спаси нас, господи, от необходимости просить у нашего государства помощи.

– Только имейте в виду, – подытожил мент, – субсидию на похороны вам не дадут.

– Почему? – поинтересовалась Томуся.

– По месту жительства положена.

– Но она из Грозного!

– Там и получите, – преспокойненько заявил «дядя Степа» и захлопнул планшет.

Я поглядела на Томочку.

– А от чего скончалась Зоя?

– Вскрытие покажет, – равнодушно бросил милиционер и ушел.

Не успел он скрыться за дверью, как опять раздался звонок. Мы так и подпрыгнули. Наверное, скоро при звуках его веселой трели у меня будет приключаться медвежья болезнь. Что еще на нашу голову?

Но за дверью, робко переминаясь с ноги на ногу, стоял мой ученик Тема.

– Тетя Веля, – пробормотал он, – вы забыли, да?

Точно, совершенно вылетело из головы.

– Идем, детка, – сказала я и пошла в соседнюю квартиру.

Темочка – замечательный двоечник. Больше всего на свете он любит покушать, причем особых пристрастий в еде не имеет. Ест все подряд, ему нравится сам процесс. Результат налицо, вернее на теле. Весит Темка значительно больше меня, впрочем, это неудивительно. Учение дается ему с трудом: ну не лезет

наука в детскую голову. В дневнике ровными рядами стоят двойки, но в четверти, да и в году волшебным образом выходят вожделенные тройки, и Темочка переползает в следующий класс. Впрочем, любым чудесам находятся вполне реальные объяснения. Во-первых, Темка милый и абсолютно неконфликтный ребенок. Учителя частенько используют его в качестве тягловой силы: просят донести до дома неподъемную сумку с тетрадями или переставить парты. Артем никогда не отказывает, его любят, и учительская рука сама собой выводит «удовлетворительно». А во-вторых, Наташа, его мать, постоянно таскает в школу всевозможные презенты. Сколько раз я говорила ей:

– Забери парня из этой школы. Не тянет он. Немецкий пять раз в неделю по два часа! Ну куда ему! Отдай после девятого класса учиться на повара или на парикмахера!

Но нет предела родительскому тщеславию. Наташа категорично заявляет:

– Никогда. Я всю жизнь копейки считаю, пусть хоть мой ребенок в люди выйдет, высшее образование получит. Ты его тресни, если лениться начнет, но немецкий он обязан знать.

Вот мы и продираемся сквозь дремучие заросли чужого языка, как кабан через терновник, оставляя повсюду капли крови, в основном моей, потому что Теме, честно говоря, все по фигу, и он только ждет вожделенного мига, когда за «репетиторшей» захлопнется дверь. Пару раз он хитрил и переводил стрелки будильника вперед, но теперь я умная и приношу часы с собой.

Глубоко вздохнув, словно пловец перед многокилометровым заплывом, я как можно более ласково произнесла:

– Ну, котеночек, давай, начнем с глаголов.

Наверное, в каждом языке есть свои грамматические примочки. Посудите сами. Например, глагол «класть». Я кладу, ты кладешь, он кладет… Вроде просто, но почему тогда сотни и сотни россиян произносят: «Я покладу»? А близкий ему по смыслу «положить»? Я положу… Ан нет. Во многих устах он звучит по-другому: я ложу. Ложу, и точка! Парадоксальным образом иностранцы, хорошо знающие русский язык, никогда не совершают подобных ошибок. Им вдолбили в голову, что это неправильно. Впрочем, и у немцев полно своих «грамотеев», не знающих

правил собственного языка. Трудности чаще всего возникают с глаголами сильного и неправильного спряжения. Три основные формы этих глаголов следует заучить наизусть, как молитву, иначе никогда не скажешь правильно фразу в прошедшем времени.

– Ну, Темочка, давай глагол «читать» – lesen…

– Lus, gelusen, – выпалил мальчик.

– Не попал! Еще разок – lesen…

– Laste, gelasen, – пробормотал «Ломоносов».

– Нет, ну, котеночек, соберись, – lesen…

– Lis, gelisen, – снова попал пальцем в небо Тема.

Я тяжело вздохнула и, чтобы не дать ему затрещину, крепко сцепила под столом руки. А еще говорят, что ангельское терпение можно приобрести только в результате медитаций и молитв! А вот и нет, стоит месячишко позаниматься с Темой, и вашему умению владеть собой позавидуют буддистские монахи. Если, конечно, вы не убьете Артемку в первые же дни…

– Котеночек, ты не знаешь.

– Я учил, – заныл Тема, косясь на будильник, – честное благородное, все делал, как велели, перед сном десять раз прочел.

– Понимаешь, – принялась я проникновенно объяснять ленивому мальчишке суть, – могу помочь написать сочинение или растолковать правило, но открыть тебе голову и ложкой положить туда знания мне слабо. Надо и самому чуть-чуть поработать. Ну, котик, lesen…

Я закрыла глаза.

– Las, gelesen.

Из суеверия я не стала открывать глаз.

– Отлично, gehen…

– Ging, gegangen, – опять совершенно верно.

Я открыла глаза и строго велела:

– Отдавай шпаргалку!

– Это не я, – опять заныл Темка и ткнул пальцем в сторону двери, – это она!

Там стояла Кристина. Увидав мой удивленный взор, девочка засмущалась:

– Простите, случайно вышло, меня прислала Тамара, сказать…

– Погоди, – перебила я ее, – ты знаешь немецкий?

– Немного, – ответила Крися, – в колледже пятерки ставили.

Мы поболтали чуть-чуть, и я с восхищением признала, что девочка великолепно владеет языком, а произношение у нее безукоризненное.

Хорошие, однако, школы были в Грозном, если там давали такие знания.

– Летом папа обычно отправлял меня в Германию на три месяца, – как ни в чем не бывало продолжала Кристя.

Ничего себе! Наверное, Зоя с мужем отлично зарабатывали! Что же она тогда плела про парикмахерскую и отсутствие денег?

– Папа говорил: «Учись дочка, дело тебе передам».

– И что у него за дело?

Кристина замялась:

– Всего точно не знаю, вроде магазины и еще что-то…

Учебник немецкого языка выпал у меня из рук.

– Они что, с мамой в разводе были?

– Моя мама умерла, – тихо напомнила Кристина.

– Извини, просто очень удивилась. Раз твой отец столь состоятельный, как же он бросил вас в Грозном? – Произнеся эту фразу, я тут же осеклась. Надо же быть такой дурой! Зоя-то говорила, что Ивана убили! Сейчас Кристина разрыдается…

Но девочка стойко выдержала удар. Секунду она, не мигая, глядела в сторону, потом ответила:

– Зоя мне не мать.

Я почувствовала легкое головокружение.

– А кто?

– Никто.

– Как же ты с ней познакомилась, где?

– Она меня на дороге подобрала, возле села Мартан.

– Артем, – строго приказала я, – садись и учи глаголы, через час вернусь и проверю.

Дома мы усадили Кристину на кухне и велели рассказать все по порядку.

Девочка начала перечислять события своей короткой, но бурной жизни.

ГЛАВА 4

Родом она из Екатеринбурга. Папа – Зотов Анатолий Иванович, бизнесмен, предприниматель, богатый человек. Кристину в колледж возил шофер, а дома за ней ухаживала няня. Мама девочки скончалась.

Жизнь Кристины текла размеренно и счастливо в окружении подруг, игрушек и прочих радостей. Однажды шофер отвез ее к Лене Родиной в гости, а часов в семь вернулся и сказал, что папа велит срочно ехать домой. Он довел Кристину до машины, девочка села в салон и увидела там приятного черноволосого мужчину.

– Это близкий друг Анатолия Ивановича, – объяснил шофер, заводя мотор.

Не подозревая ничего плохого, наивная девочка села рядом с незнакомцем. Вскоре она почувствовала легкий укол в ногу, и наступило беспамятство.

Очнулась Кристя в каком-то доме, в довольно большой комнате с плотно закрытыми окнами. Девочка начала стучать в запертую дверь, она открылась, и появилась стройная женщина, замотанная платком.

С сильным акцентом она объяснила Кристе, что шуметь на надо, что ее похитили и отпустят, когда папа заплатит большой выкуп. Бить и морить голодом ее не станут. Вместо туалета ей предложили стоявшее в углу ведро. Свои обещания баба сдержала. Раз в день в комнату всовывали железную миску, доверху набитую кашей, в ней утопали толстые ломти хлеба. Рядом ставили бидон с водой. Никто и пальцем не тронул девочку, но из комнаты ее никуда не выпускали. Первые дни Кристя рыдала как безумная, потом успокоилась, узнала у «тюремщицы» число и с 18 сентября принялась делать на стене зарубки. Самыми мучительными были невозможность помыться, сменить белье и скука. Делать было абсолютно нечего. Кристя попробовала спать сутками, но здоровый детский организм отказывался подчиняться такому графику. Тогда она стала просить у бабы что-нибудь почитать. Тетка не ответила ни «да» ни «нет», но вечером бросила в «камеру» истрепанные томики. Кристя радостно кинулась смотреть, что ей дали. Коран на русском языке и «Похождения Ходжи Насреддина». Оба произведения Кристя выучила почти наизусть, и если бы

мусульмане разрешили, могла бы запросто работать муллой. Во всяком случае, суры Корана она распевала не хуже выпускников медресе.

В декабре в комнату неожиданно вошел незнакомый мужик – худощавый, гибкий, с пышной черной бородой. Он глянул на Кристю хищными звериными глазами и исчез. Тут же за стеной началась перебранка.

Кристя давно поняла, что ее держат в жилом доме. Со двора часто раздавались детские крики – языка она не понимала, – а из глубин дома доносилась неразборчивая речь. Случались и скандалы, но такой приключился впервые. Хозяева орали так, что сносило крышу. Визгливые женские дисканты перекрывали глухие мужские басы, неожиданно раздался выстрел, визг, плач… Успокоились не скоро. Уже ночью, когда Кристя спала, тихо вошла «тюремщица». Она потрясла девочку за плечо и, приложив палец к губам, прошептала:

– Кристя, иди за мной, только тихо.

Кристя вышла во двор и чуть не упала, вдохнув свежий морозный воздух. Но баба, не обращая внимания на ее слабость, проволокла пленницу до сарая, впихнула внутрь и сказала:

– Слушай меня!

Кристя напряглась. Тетка ухватилась за конец платка, и девочка наконец впервые увидела ее лицо. Перед ней стояла молоденькая девушка лет пятнадцати, не больше. Торопясь, она вываливала Кристине информацию.

Семья, удерживающая Кристю, зарабатывает на жизнь похищением людей. От отца Кристины ожидали большой куш, но вчера пришло сообщение, что Анатолий Иванович Зотов погиб – его взорвали в собственной автомашине. Следовательно, денег не будет, и Кристю хотят убить. Собственно говоря, это собирались сделать еще вчера, но, на Кристино счастье, начали разбираться с одной из невесток, заподозренных в неверности, вот и отложили казнь Кристи на утро.

– Иди по дороге через поле, – напутствовала бывшая тюремщица, протягивая девочке цветастую юбку, зеленую шерстяную кофту, куртку и большой черный

платок, – там ваши стоят.

– Кто? – не поняла Кристина.

– Так война у нас, – пояснила девушка, – русские с чеченцами дерутся, топай вперед, и наткнешься на своих. Да, вот еще, держи.

Кристя повертела в руках бумажку с непонятными значками.

– Это зачем?

– Тут написано, что ты немая, – пояснила спасительница, – вдруг на чеченцев наткнешься, – покажешь. Мы убогих почитаем, никто и пальцем не тронет, только платка не разматывай, это не принято, прикрывайся и глаза опускай, поняла?

Кристя кивнула.

– Ну иди, – велела добрая самаритянка.

– Тебе попадет, – прошептала Кристина.

– А, – махнула рукой девчонка, – я ихнюю семью ненавижу, живу в женах у старшего сына, никто мне ничего не сделает, твою комнату свекровь запирает, вот ей точно секир-башка будет, давай двигай.

– Возьми браслетик на память, правда, там мое имя, а как тебя зовут? – спросила Кристя.

– Хафиза, – ответила девушка и вытолкала ее из сарая.

Стоял страшный холод. Кристина побрела по дороге, ноги, ослабевшие за несколько месяцев плена, плохо слушались, к тому же добрая Хафиза, дав одежду, забыла про обувь, и Кристина шла в тоненьких туфельках. Наконец на тропинке попался стог. Девочка, как сумела, обернула ноги сеном. Стало теплее. Тропинка петляла туда-сюда, потом впереди показалась большая дорога. Кристина, боявшаяся теперь всех, легла в глубокую придорожную канаву и

принялась разглядывать тех, кто брел по бетонке. Никаких людей в военной форме она не заметила. Сначала протащилась довольно плотная группа горланящих чеченок, потом проехала машина, следом появилось несколько женщин с клетчатыми сумками. Одна, задыхаясь, села на обочину, как раз возле того места, где пряталась Кристина. Женщина была явно русская, с простым славянским лицом, усталым, но добрым. Так она встретила Зою. Выслушав Кристю, женщина вытащила из сумки старые, но целые кроссовки, теплые шерстяные носки и полбуханки хлеба. Они пошли вместе в сторону границы.

– Не надо тебе к военным, – поучала Зоя, – раз отец погиб, а родственников нет, значит, сдадут тебя в детский дом. Держись за меня, вместе до Москвы доберемся.

Зоя собственноручно вписала в свой паспорт Кристину в графу «Дети».

– Скажем, что твое свидетельство о рождении потерялось, – объяснила она, – а мой паспорт цел, к тому же подтвержу, что ты – моя дочь, все и поверят.

Она оказалась права. Ни у кого женщина с девочкой не вызвали ненужных подозрений.

– Нам бы только до Москвы добраться, – твердила Зоя, – там Раиса поможет, родная кровь, сестра.

– Надо же, – тихо произнесла Тамара, – какая Зоя добрая женщина… была.

Кристя улыбнулась:

– Она хорошая, только очень вспыльчивая, если чего не так сделаешь, запросто может по шее надавать, но потом быстро отходит и даже извиняется.

Я вздохнула. Наверное, у них с Раисой это было семейное, хорошо хоть Зоя не пила.

– Она меня спасла, – прошептала Кристина, – называла дочкой…

Голос девочки прервался, и она молча уставилась в окно.

У меня защемило сердце. Это сколько же должен пережить ребенок, чтобы разучиться плакать!

– И куда мне теперь? – пересилила себя Кристя. – В детдом?

Томуся хлопнула ладонью по столу:

– Никаких приютов. Если Зоя звала тебя дочерью, то мы тебе тетки. Тетя Виола и тетя Тамара. Впрочем, можешь звать нас просто по именам, все-таки родственники.

Кристя заморгала:

– Вы не поняли. Я не настоящая дочь Зои. У нее, правда, когда-то была девочка, но умерла в пять лет, она рассказывала, что всегда мечтала о дочери, но бог ребеночка отнял, а я вроде как на замену.

– Тебе сколько лет? – спросила я.

– Двенадцать, нет, тринадцать, – поправилась Кристя.

– Ладно, – велела Томуся, – теперь следует решить разные формальности. Надо по-человечески проводить Зою, когда отдадут тело. Далее следует выправить Кристине хоть какие-нибудь документы, устроить ее в школу, прописать… Голова идет кругом.

Значит, так, – резюмировала Томуся, – мы сейчас поедем на «Речной вокзал», в наш любимый магазин, и купим Кристе все самое необходимое.

Только не подумайте, что там расположен бутик Версаче. Нет, на улице Смольной открыт отличный магазин секонд-хэнд, торгующий практически новыми, но вышедшими у них, на Западе, из моды вещами. Там можно найти все, причем приличного качества. Ну какая нам, в конце концов, разница – узкие джинсы или широкие… Вот только обуви нет, за ботиночками приходится ездить на рынок «Динамо», что пробивает гигантскую брешь в бюджете.

Внезапно из гостиной раздалось покашливание.

– Ой, – пробормотала Томуся, – совсем забыла про Веру, с ней тоже проблемы…

Да, и немаленькие. Но Тамару не так легко сбить с толку.

– Хорошо, поступим так, – заявила подруга, – я занимаюсь Кристиной, а ты Верой, разделим заботы пополам. Сначала едем в секонд, а потом ко мне на службу.

Томочка работает в расположенной у нас во дворе школе воспитательницей группы продленного дня. Очень подходящее для нее занятие, ничего, кроме доброты к младшеклассникам, там не требуется. Служба начинается в три часа дня и заканчивается, как правило, около шести вечера, когда за детишками прибегают взмыленные мамы.

– Давай, Кристя, – поторопила Томуся, – едем за обновками.

Они мигом собрались и убежали.

Я в задумчивости села у телефона. С чего начать?

Пальцы сами быстро набрали номер телефона Гены Новикова. Он журналист, ведет в крупной газете криминальную хронику…

– Новиков, готов записать ваше сообщение, – пробубнил Генка.

– Генасик, ты хвастался, что имеешь кучу связей в МВД.

– Ага, – радостно подтвердил друг, – в Главное управление исполнения наказаний дверь ногой открываю. Выкладывай сразу проблему. Кого-нибудь осудили, и надо, чтобы попал в Крюковскую колонию, в Зеленоград?

– Нет, Геночка, слава богу, пока все на свободе. Можешь ты узнать по своим каналам, не объявлен ли по Москве розыск молодой психически больной женщины, потерявшей память. Она ушла вчера из дому в одной ночной рубашке и тапочках…

– Легко, – весело ответил Генка. – А тебе зачем?

– Надо.

– Раз надо – значит, надо, – согласился покладистый приятель, – сейчас перезвоню.

Через пятнадцать минут он сообщил, что никакую больную девушку никто не ищет.

– Может, в каком-нибудь в другом отделении милиции, – вздохнула я.

Генка захихикал:

– Молчи уж лучше, если не знаешь. Вся информация о пропавших скапливается централизованно, в компьютере. Вчера, например, исчезли два подростка и мужик, позавчера – три старухи, днем раньше – пожилой военный… Никаких молоденьких с кривыми мозгами не наблюдалось. Ну, покедова. Да, имей в виду, если надо кого в Крюковскую колонию запихнуть, я с дорогой душой, только свистни!

– Никого никуда сажать не надо, – отрезала я и повесила трубку.

Странно, что родственники не побеспокоились. Кажется, начинают сбываться мои худшие предположения. Они просто были рады избавиться от больной, а, может, сами выгнали ее на улицу? И как поступить? Сдать ее в милицию?

Я аккуратно приоткрыла дверь в спальню. Верочка сидела у письменного стола с карандашом в руке.

– Что ты делаешь?

– Рисую, – тихо ответила девушка.

Я глянула на листок и восхищенно зацокала языком. Точными, уверенными штрихами Вера изобразила прыгающую через барьер лошадь. Она была

нарисована изумительно и выглядела как живая.

– Да ты художница!

– Не знаю, – улыбнулась Вера. – Наверное. Руки сами карандаш схватили. Знаешь, как здорово рисовать, смотри, это ты.

Моментальными движениями она провела несколько линий, и я уставилась на свой шарж. Здорово. Кое-какие черты лица утрированы, но не зло, как иногда делают карикатуристы. И это явно я.

– Ну надо же! Попробуй вспомнить, кто тебя научил?

Вера задумалась, потом покачала головой:

– Ничего, совсем ничего не помню, только лестницу…

– Лестницу?

– Ну да, иду по ступенькам, выхожу на улицу, холодно… Все иду и иду, а людей нет. Тут ты.

Так, значит, она живет на Сонинской улице, и круг поисков значительно сужается. Сколько там домов? Я вытащила из стенки подробную карту Москвы и принялась ее изучать. Сей топографический шедевр преподнесла мне невесть зачем на день рождения Наташка. Скорей всего, его ей кто-то подарил, а она решила избавиться от ненужной вещи, оттащив мне. Но вот сейчас карта пригодилась. Я нашла Сонинскую улицу и присвистнула. Сорок два дома, и еще на нее выходит с десяток мелких улочек. Да, бегать по квартирам можно полжизни. Нужно искать другой путь, но какой?

– Можно выпить чаю? – вдруг спросила Вера.

– Конечно, сейчас заварю.

Но девушка опередила меня, первой вошла в кухню, налила в электрочайник воду и щелкнула рычажком. Я глядела на нее во все глаза.

– Кажется, у меня дома есть подобный чайник, – пробормотала Вера, – но кухня у нас больше и холодильник не такой!

– Какой?

– Серый, с двумя дверцами, – протянула Вера.

Я вздохнула. Серый, с двумя дверцами! Похоже на «Филипс». Позавчера забрела в «М-Видео» и полюбовалась на товары. Огромный рефрижератор невольно привлек внимание. Цена – фантастическая. Восемьдесят пять тысяч! Размер – гигантский. Я еще подумала, какая же кухня должна быть у людей, чтобы вместить такого монстра. И вот оказывается, что дома у Веры стоит нечто подобное.

– Да, – продолжала девушка более уверенно, – серый. Справа такие лоточки для яиц, тридцать штук влезает, сверху места для банок и бутылок, а слева контейнеры прозрачные и стеклянные полочки…

Чайник вскипел, Верочка налила в чашку кипяток и принялась полоскать в нем пакетик чая. Я глядела в окно. В голове никаких идей, просто какая-то торричеллиева пустота. Внезапно мой взгляд упал на лежавшую на табуретке ночную сорочку. Вчера мы дали Вере пижаму, а ночнушку забыли на кухне. А с утра косяком пошли разнообразные события, и про ситцевую рубашечку мы позабыли. Я взяла в руки сей невесомый предмет, решив замочить ночнушку, а вечером выстирать. Мы никак не наберем денег на стиральную машину. А рубашка-то отличного качества, и не ситец это вовсе, а самый настоящий батист. К боковому шву прикреплен ярлычок «Живанши»[2 - «Живанши» – дом моделей экстра-класса.]. Дорогая, должно быть, вещь и такая приятная на ощупь. И тут на изнанке подола мелькнула метка. Я пригляделась «Королева Алла. 1-й отряд», рядом был пришит кусочек белой ткани с буквой и цифрами «Л-361854». Так. Насколько помню, раньше всем детям, выезжавшим в пионерские лагеря, велели пришивать на вещи подобные метки. У меня до сих пор есть ситцевый халатик, где, между прочим, на подоле значится: «Виола Тараканова». А вторая бирка – это для прачечной. Нет, как здорово все складывается, дело за малым – найти приемный пункт и порасспрашивать сотрудников. Может, кто знает эту Королеву Аллу. На всякий случай я поинтересовалась:

– Верочка, а твоя фамилия не Королева?

Девушка отложила ложку и без тени сомнения ответила:

– Думаю, нет.

– Почему?

– Она мне не нравится.

Ну надо же, какой сильный аргумент! Мне, между прочим, тоже не нравится фамилия Тараканова, но ведь живу же с ней всю жизнь!

Тут в дверь затрезвонили. В нашем доме определенно невозможно ни на минуту обрести покой. Что еще там случилось?

– Вилка! – завопила с порога Анечка Артюшина, наша соседка со второго этажа. – Вилочка, она умирает!

Анечка два года назад вышла замуж и вскоре родила девочку Машеньку. Дочка оказалась шаловливой, бедная Анюта лишилась сна и покоя. Но еще хуже стало, когда Машка, покачиваясь на толстеньких ножках, начала осваивать родную квартиру. У Анюты такая же «двушка», как у нас, но для крохотной Машуни это огромное пространство, неизведанная целина, полная увлекательных вещей. Опасности подстерегают ребенка на каждом шагу. Недавно Машка освоила новый трюк. Она взбирается на стул, потом на стол, идет по нему и… падает вниз, как перезревшая слива. Теперь, если мы приходим в гости, то, чтобы выпить чаю, надо сначала снять со стола… стулья. Аня ставит их туда вверх ножками, а обиженная Машка ходит вокруг и бормочет.

– Няка Мака, няка!

– Правильно, – одобряет ее мать, – нельзя. Молодец Машка.

Но в Машкиной голове добрые материнские наставления не задерживаются, и каждый день активная девица совершает новые подвиги, и каждый день Анечка прибегает с воплем:

– Спасите, умирает!

Почему она несется к нам – непонятно. Ни у меня, ни у Тамары нет детей. Логичней было бы обратиться к Кузнецовым из тридцать восьмой квартиры. Марья Петровна вырастила четырех дочерей и теперь пасет несметное количество внуков. Но Аню упорно тянет к нам, бездетным и незамужним. Интересно, что на этот раз? Помнится, в среду Маня проглотила пару пуговиц и была абсолютно весела и счастлива. Бедная Аня, мысленно похоронившая дочь, чуть не заработала инфаркт, поджидая «Скорую». Приехавшие медики посмеялись, велели накормить девочку вязкой кашей и уехали. В четверг около восьми утра Анюта влетела с радостным воплем и продемонстрировала злополучные пуговицы, благополучно нашедшие выход из Машкиного организма. И вот сегодня очередная трагедия.

– Замолчи немедленно, – сердито велела я, – и говори внятно.

Аню не смутила моя слегка нелогичная фраза. Размахивая руками, она принялась причитать:

– Ужас! Посадила ее на горшок, а оттуда пена, пена, пена…

– Откуда? Из горшка?

– Ну да!

– А как она туда попала?

– Так из Машки же лезет! Жуть! Наверное, холера!

– Типун тебе на язык, – обозлилась я. – Пошли.

Мы спустились вниз. Виновница переполоха спокойненько сидела на «троне». Увидав меня, она заулыбалась и сообщила:

– Няка Мака, няка.

– Мака бяка, – ответила я и приподняла над горшком ее розовенькую, похожую на мячик попку. В горшке и впрямь плавала обильная пена из крупных пузырей. Пахло от ночной вазы приятно. Чем-то сладким, вроде жвачки или карамелек. Без колебаний я засунула туда руку. Непонятная розоватая жидкость оказалась мылкой, скользкой. Аня, клацая зубами от ужаса, бормотала:

– Надо «Скорую» вызывать…

– Не надо, – успокоила ее я и повернулась к Машке: – Ну, немедленно расскажи Вилке, что ты пила? Что выпила Мака, а? Мака буль-буль?

– Ав-ав, – сообщила Машка, страшно довольная собой, – ав-ав ням-ням. Мака мыка ав-ав.

Самое интересное, что Аня не понимает Машку, я же совершенно великолепно разбираюсь в ее «сленге». Все ясно. Очевидно, в ванной стоит нечто, связанное с собакой, чем Машка мылась. И точно. На стиральной машине пустовала пластиковая бутылочка из-под детского шампуня, выполненная в виде пуделя. Я принесла ее в комнату и грозно поинтересовалась:

– Мака буль-буль ав-ав?

– Буль-буль, – обрадовалась Машка.

– Мака кака. Мака бяка. Мака не няка бум-бум.

Машка сморщилась. «Бум-бум» на ее языке – это конфеты. Я погрозила пальцем. Хитрая Машка не заревела. Она знает, что меня не тронет капризный вой, а перспектива не получить в ближайшее время конфет заставила ее присмиреть.

– Ну, Мака, – вздохнула я, – ты дурака!

– Что, что произошло? – нервничала так ничего и не понявшая Аня.

– Твоя дщерь полакомилась детским шампунем. Правда, будь я в ее возрасте, наверное, тоже бы не удержалась, пахнет замечательно.

– Ой, – взвизгнула Аня, – как теперь поступить?

Я пожала плечами:

– Думаю, ничего страшного. Видишь, на бутылочке написано: не содержит ядовитых веществ. Ну посидит часок-другой на горшке. Эка невидаль!

Аня уставилась на пластмассовую емкость, над которой шапкой стояла пена.

– А с этим что делать?

Я хмыкнула:

– Слей назад в собачку и смело мой голову. По-моему, шампунь не слишком растерял свои качества, пройдя через Машку.

ГЛАВА 5

Дома стояла тишина. Верочка опять рисовала, на этот раз кошку. Я покормила ее, выпила чаю и стала собираться на работу в Дом моделей. Выйду пораньше и зайду по дороге в нашу прачечную, может, узнаю чего про метку.

Когда живешь всю жизнь, буквально с самого рождения, в одной и той же квартире, тебя окружают знакомые люди. В приемном пункте между горшком с полузасохшим фикусом и не работающей радиоточкой тосковала баба Клава. Я ее помню с младенчества. И уже тогда баба Клава казалась мне старой. Ее морщинистое лицо украшали густые черные усы. Словно искупая пышную растительность над губой, природа почти не оставила Клавдии Ивановне волос на голове. Старушка старательно раскладывала на макушке жиденькие прядки, сквозь которые просвечивало розовое беззащитное темечко.

– Волька! – обрадовалась она. – Никак разбогатела и тянешь белье в стирку? Давай, давай…

– Что, совсем клиентов нет?

– Пустыня, – вздохнула старушка, – могила, египетская пирамида, ну никогошеньки. Скоро этот приемный пункт, как и другие, закроют, и тогда живи баба Клава на одну пенсию. Вон Зинку и Ленку уже погнали, одна я теперь здесь приемщица. Так и сижу цельными днями с восьми до восьми. Раньше-то и вздохнуть не успевала: очередь из коридора орала, вертись бабка колесом, а теперь…

– Стираете, наверное, плохо, – предположила я.

– Ты на цену погляди, – разозлилась старушка. – Кто чуть побогаче, давно стиральные машины купил, автоматические. А бедным теперича прачечная не по карману. Вот раньше килограмм прямого белья, да с крахмалом, да с отдушкой всего за тридцать семь копеек сдавали! А сейчас…

– Слышь, баба Клава, – прервала я поток старушкиных жалоб. – Ты же вроде в прачечной давно сидишь?

– Тебе столько лет нет, сколько я тут работаю, – с достоинством произнесла бабуля. – Ветеран труда, фотография на Доске почета, вот раньше мне завсегда за ударный труд путевку давали на лечение, а сейчас…

– Тогда скажи, – велела я, – что значит данная метка?

– «Королева Алла», – прочитала Клавдия Ивановна, – это детей так в пионерлагерь отправляли раньше и именные бирочки заказывали по рупь двадцать за сто штук. Дешево и сердито. Только сейчас уже давно никто ничего подобного не просит. Лагеря-то накрылись медным тазом, путевка бешеные тысячи стоит! Вот новый президент велеть должон…

– Оставь правительство в покое, – буркнула я, – и посмотри дальше. «Л-361854». Это что значит?

– Где же ты такое взяла? – изумилась баба Клава. – Да таких меток сто лет уже нет.

– Помнишь, что она обозначала?

– У меня склероза нет, потому как на вредную пищу денег не хватает, – парировала баба Клава. – Яйца, мясо и масло – это не для нас, вот каша геркулесовая…

– Слушай, – обозлилась я, – говори быстрей, на работу опоздаю.

– Ой, молодежь, все бегом, прыжком, потому и больные с детства, – резюмировала болтливая, одуревшая от скуки старушка. – Л – название района. Помнишь, раньше в Москве были не округа, а Свердловский, Дзержинский, Фрунзенский районы? Тридцать два всего. А уж порядок стоял! Жуть, как все боялись, что на них в райком партии пожалуются…

– Л какой?

– Ленинградский. Потом первые три цифры – 361 – номер приемного пункта, а последние – 854 – это уж клиент.

– А где данный приемный пункт расположен, знаешь?

Баба Клава со вздохом вытащила толстую, растрепанную тетрадь и принялась водить корявым пальцем по строчкам.

– Ага, – бормотала она, – вот он. 361, Вагоноремонтная улица, семь.

– Телефон есть?

– А как же.

– Давай сюда, – подпрыгивая от нетерпения, велела я, – у тебя аппарат работает?

– Чего ему сделается, – ухмыльнулась баба Клава.

Она нагнулась и вытащила из-под стола раритетную вещь, музейный экземпляр – огромный, словно высеченный из цельного куска черного камня, телефонный аппарат с круглым наборным диском. Трубка монстра весила килограмма три, не меньше, и в мембране раздавался постоянный шорох. Перекрывая треск, я заорала:

– Алло, это прачечная?

– Да, – завопил в ответ женский голос.

Наверное, там стоит такой же телефон.

– Вы открыты?

– Приходите, без обеда.

Провожаемая безостановочным ворчанием бабы Клавы, я понеслась к выходу, но на пороге притормозила.

– Знаешь, где Вагоноремонтная улица?

– У меня там сноха жила. В 1972 году им квартиру дали, – тут же снова пустилась в воспоминания старуха.

– Метро какое?

– «Войковская».

Я побежала по улице. В запасе есть еще пара свободных часов. Улица с поэтическим названием «Вагоноремонтная» тянулась за Коптевским рынком. Дом семь отчего-то оказался первым. Куда делись шесть предыдущих, было непонятно. Приемный пункт походил на наш, как брат-близнец. За столом около умирающего алоэ мирно вязала носок местная баба Клава.

– Бельишко сдать? – с надеждой поинтересовалась она.

Я помотала головой:

– Скажите, метка «Л-361854» – ваша?

– Это когда было, – засмеялась бабулька, – лет десять прошло. А чего случилось?

– Получила чистое белье, – вдохновенно соврала я, – а там чужая сорочка, вот ищу хозяина.

– Отдай в приемный пункт. Это ихняя работа разбираться, – справедливо заметила бабка.

– Да сама живу неподалеку, – вывернулась я.

– Дай поглядеть.

Я протянула ночнушку. Бабуся помяла материал в руках.

– Качественная вещь.

– Знаете, чья метка?

Бабка покачала головой:

– Нет.

Я приуныла.

Внезапно старушка добавила:

– Погодь-ка. Королева Алла – моя соседка. Я ей и метки делала, и бельишко она по прежним годам стирать отдавала, сейчас уж не носит…

От радости у меня бешено забилось сердце. Вон как просто.

– Адрес знаете?

– Так в одной квартире живем, идите. Карина, Алкина мать, дома, инвалидность у ней, давление высокое, головой мучается. А то оставь, я передам.

– Адрес скажите.

– Говорю же, в одной квартире со мной живет.

Беда с этими старухами.

– Я-то у вас в гостях никогда не бывала.

– И верно, – засмеялась бабка. – Совсем мозги не гнутся, заржавели. Ремонтная улица, семь.

– В этом доме, что ли?

– Нет. Это Вагоноремонтная улица, а тебе надо на Ремонтную. Иди налево, а потом все прямо, аккурат в хибару нашу и уткнешься.

Я пошла в указанном направлении. Интересно, кто придумывает названия для московских магистралей? Неужели нельзя подыскать что-нибудь получше? Представляю, как ругаются работники «Скорой помощи» и пожарные. Но Вагоноремонтная и Ремонтная еще полбеды. Есть в нашем городе улица и площадь, носящие одно имя славной летчицы Марины Расковой. Все бы ничего, только расположены они на значительном расстоянии друг от друга, и я частенько вижу на площади обалдевших людей, которым на самом деле нужна одноименная улица.

Бурча по-стариковски, я доплелась до нужного здания и с тоской оглядела пятиэтажку из бетонных блоков, скрепленных черными швами. Что-то мало похоже на жилище женщины, носящей дорогое белье и имеющей на кухне гигантский «Филипс». Насколько знаю, в этих домах пятиметровые кухоньки, куда с трудом влезает крохотный «Смоленск».

Дверь квартиры открылась не сразу. В деревянной створке не было «глазка», небось, как и у нас с Томочкой, красть нечего.

– Иду, – донеслось из квартиры.

На пороге возникла чудовищной толщины женщина лет пятидесяти.

– Вы ко мне?

– Да.

– Проходите.

Перешагнув через крошечную прихожую, я оказалась в кухне, до отказа забитой вещами. Над головой висело выстиранное белье, на плите исходила паром огромная кастрюля. Хозяйка, очевидно, решила подкрепиться. На столе красовалась внушительных размеров тарелка. Я принюхалась – гороховый суп. На клеенке лежали толстые ломти хлеба, обильно намазанные маслом, рядом красовались кусищи жирного бекона. Да уж, ничего удивительного, что дама к пятидесяти годам заработала инвалидность. Ей бы сесть на диету, месячишко-другой поесть отварные овощи и попить чайку без сахара, глядишь, и здоровье поправится.

– Вы из поликлиники? – спросила тетка, откусывая разом половину чудовищного бутерброда.

– Нет, – ответила я и сунула ей под нос рубашку. – Ваша?

Бабища уставилась на кусок батиста.

– Не-а, мы такое не носим, да и размер мелкий, у меня пятьдесят четвертый.

Однако, она кокетка. Пятьдесят четвертый у нее был в глубоком детстве, сейчас объем ее бедер приближается к трем метрам.

– Королева Алла вам кто?

– Дочь, а чего?

– Вот видите, меточка…

– А-а-а, – пробормотала баба, – вспомнила.

– Ну, – поторопила я. – Значит, ваша?

Хозяйка методично прожевала кусок, затем с вожделением поглядела на остаток сандвича и принялась объяснять ситуацию.

У нее есть сестра Роза. Та работала в богатом доме прислугой. Хозяйка иногда давала ей носильные вещи – брюки, кофты, халаты… Роза – женщина тучная, шмотки элегантной дамы ей и на нос не налезут, вот она и раздавала их по родственникам. Один раз принесла данную рубашечку. Карина и решила ее Алке в пионерлагерь дать, но девочка отказалась.

– Вырез видите какой, – объясняла Карина, – прямо до пупа, вот девка и застеснялась, пару разов надела, и все. Из лагеря приехала и зашвырнула.

– Ну и куда вы дели рубашку?

– Так Розке обратно отдала!

– Адрес говорите.

– Чей, мой?

О боже! Да ей срочно следует добровольно объявить голодовку, а то жир уже подобрался к мозгам.

– Нет, Розы.

– Радиаторная улица, десять, квартира восемнадцать

– Телефон есть?

– У кого?

Нет, все-таки хорошо, что я занимаюсь с Темой немецким. Кто другой на моем месте давным-давно надел бы Карине на непричесанную голову тарелку с наваристым супчиком, но Тема воспитал во мне редкостное терпение.

– У Розы.

– Конечно.

– Позвоните и спросите, дома ли она.

– И звонить не надо, – пояснила Карина, – ясное дело, у себя сидит, куда ж ей деваться?

Я молча окинула взглядом эту гору сала. Вообще говоря, вечером можно пойти в театр, в гости или просто на прогулку.

– Все же узнайте.

Пухлым, похожим на переваренную сардельку пальцем Карина принялась тыкать в кнопки. Пару раз она сбилась, но наконец сложная процедура набора номера все же завершилась.

– Алло! – заорала Карина. – Алло, это кто?! Ты, Роза? Чего делаешь-то? Сериал глядишь? Ну-ну, гляди, привет тебе.

Она положила трубку и сердито пробормотала:

– Сразу же сказала – дома. Только зря человека побеспокоили.

– Где эта Радиаторная улица?

– От рынка направо и через дворы, – пояснила Карина, закрывая за мной дверь.

Я вышла на улицу и рассмеялась. Чудовищная тетка. Она даже не поинтересовалась, зачем к ней ввалилась посторонняя женщина. Интересно, как бы я поступила на ее месте?

Роза оказалась слепком с Карины. Сначала мне даже показалось, что милые дамы – близнецы. Та же тучность, абсолютное наплевательство на меня и даже такой же гороховый суп. Только с потолка не свисало чистое белье. Оно громоздилось неаккуратной кучей на стуле. Роза поглядела на ночнушку.

– Это мне Анастасия Федоровна дала.

– Кто?

– Хозяйка бывшая, Лазарева Анастасия Федоровна. Я у них убиралась. Мне такая сорочка ни к чему.

Это верно, она тебе и на нос не налезет.

– Отнесла ее Каринке, для Алки, – бубнила Роза, – а той не понравилось. Говорит, все сиськи наружу вываливаются. Пару раз надела, и все! Какие такие у ней в тринадцать лет сиськи! Смех один. Нет, забраковала: купите другую. Пришлось разоряться.

– А рубашку куда дели?

Роза поскребла в затылке и зевнула.

– Известно куда, на антресоль, к вещам ненужным. Пусть полежит, авось пригодится. Постирали в прачечной – и в чемодан.

– Как же она с антресоли спустилась? Не сама же слезала?

Роза распахнула огромные коровьи глаза и принялась тупо твердить:

– Ща, ща, ща…

Я терпеливо поджидала, когда завершится мучительный мыслительный процесс.

– Вспомнила! – возвестила Роза. – Дней десять тому назад прибежала Светка из сорок седьмой квартиры и ну стонать! Денег нет, пособие на бирже кончилось, жрать купить не на что, а тут дочку одевать надо. Девке двадцать лет стукнуло, ходит оборванкой, парни стороной обходят, а подруги смеются. Тут мне в голову и вступило! Сняла с антресоли чемодан и весь ей отдала, там и рубашка была. Вона как, лет десять провалялась и пригодилась.

Я выбралась на лестничную клетку и пару раз энергично вздохнула, чтобы избавиться от «аромата» переваренного горохового супа. Соседнюю дверь украшала цифра «сорок семь», приклеенная криво и слишком низко. И вновь никто не стал ни о чем спрашивать, вход в квартиру был обеспечен без лишних церемоний. В глубине маячил пьяный мужик в грязной майке и чудовищных трусах до колен.

– Это кто? – икнул он, обдав меня жутким запахом спиртного, прошедшего через организм.

Судя по аромату, сия личность употребляет внутрь средство для полировки мебели. Коктейль «Вкусная мастика».

– Это я.

– Надоть чего?

– Вашу жену.

– Которую?

Тоже мне, падишах с гаремом.

– Единственную.

– Светку?

– Ее.

– А нетуть!

– И где она?

– К матери поехала, к стерве, – пояснил мужик.

– Дочь ваша дома?

– Галка?

– У вас их несколько?

Алкоголик зачем-то посмотрел на свои руки, пошевелил пальцами и сообщил:

– Вроде только Галка.

– Позовите ее.

– А нетуть.

К сожалению, на моем жизненном пути раньше часто встречались крепко пьющие люди, и я знала, что добиться толку от алконавта тяжело. Но можно, если проявить максимум настойчивости.

– Где Галя?

– Хрен ее знает.

– Постарайтесь вспомнить.

– Пошла ты на… – сообщил добрый папаша и хотел захлопнуть дверь.

Но я быстро всунула в щель ногу и спросила:

– Пива хочешь?

– Что я дурак, чтобы отказываться?

– Тогда вспоминай, дам десятку.

– «Старый мельник» четырнадцать стоит, – предпринял попытку поторговаться собеседник.

– А «Миллер» и вовсе тридцатку, – парировала я. – «Соколом» обойдешься, за червонец. Сначала говори, где дочь?

– Ну е-мое, – всплеснул руками мужик.

– Ладно, – сказала я и пошла по лестнице вниз.

– Эй, эй, – заволновался алкоголик, – а чирик?

– Нет информации, нет и денег.

– Погодь, слышь, погодь.

Я притормозила. Бедный пьянчуга, боящийся потерять десятку, сделал над собой неимоверное усилие, собрал мозги в кулак и сообщил:

– Ступай в шестьдесят третью квартиру, она там.

– Точно знаешь? – строго спросила я, вытаскивая кошелек.

– Ага, – протянул хозяин, зачарованно глядя на милую сердцу бумажку, – там ее подруга проживает, Валька.

– Ну смотри, – строго проговорила я, отдавая мзду, – если обманул…

– То что? – ухмыльнулся мужик, выхватывая из моих пальцев «гонорар». – Чего сделаешь-то?

– Вернусь назад, переверну вниз головой и вылью пиво, – пообещала я, спускаясь по лестнице.

ГЛАВА 6

После встречи с Кариной, Розой и мужем Светы, я не ожидала от своего визита в шестьдесят третью квартиру ничего хорошего. Но дверь оказалась железной, а хозяйка – вполне симпатичной дамой слегка за сорок.

– Вы ко мне? – вежливо поинтересовалась она. – Сердце болит?

– Нет, – улыбнулась я. – Ищу Валю.

– Зачем? – насторожилась дама.

– Собственно говоря, мне нужна ее подруга Галина из сорок седьмой квартиры. Но там мужчина, кстати, совсем пьяный, сказал, будто дочь у вас.

– Зачем вам Галя? – осторожничала женщина.

– Она записалась на курсы кройки и шитья, но не ходит, вот и хочу узнать, будет ли посещать занятия или можно другого человека на ее место взять.

– Входите, пожалуйста, – подобрела хозяйка.

Квартира оказалась точь-в-точь как у Розы, но предельно вымытая и ухоженная, а кухня радовала глаз приятными шкафчиками из сосны и белейшими занавесками. В углу, в ящике из-под бананов, на цветастой подстилке лежала крупная рыжая кошка. Увидав меня, она угрожающе зашипела.

– Успокойся, Сима, – улыбнулась хозяйка, – можно подумать, твои котята кому-то нужны.

– Так Галя у вас?

– Они с Валечкой сегодня уехали на день рождения к бывшему однокласснику, Вите Репину, – пояснила дама, – около одиннадцати отправились. Сначала хотели за подарком заехать. Я дала им сто рублей на видеокассету.

– Сегодня, – приуныла я, – вот жалость.

Лопнула слабая надежда на то, что Вера – это Галя. Если бы она впрямь была дочерью алкоголиков, тогда было бы понятно, почему родители не забеспокоились. Они могли просто не заметить отсутствия дочери. Но, оказывается, сегодня, когда Вера уже сидела у нас дома, неизвестная Галя отправилась приобретать презент на чьи-то именины.

– Где живет Витя Репин?

– Метро «Киевская». На Дорогомиловке.

– Надо же, – изумилась я, – далеко как, а говорите – одноклассник.

– Школу-то они давно закончили, – опять улыбнулась женщина. – Витюша начал заниматься торговлей, разбогател и из нашего сарая съехал. Между прочим, очень правильно сделал, тут одни пьяницы в округе, люмпены, отвратительное место. Но у меня, к сожалению, на другую жилплощадь денег нет.

– А позвонить Вите можно?

– Конечно.

Минут десять мать Вали пыталась соединиться с Репиным, потом вздохнула:

– Небось музыку включили на полную мощность и пляшут. Я иногда с дежурства звоню, звоню, потом плюну и соседку прошу сходить поглядеть, что у меня в квартире делается. А Валюша соберет подруг и ну магнитофон гонять. – Я взглянула на часы. Если потороплюсь, то запросто успею к имениннику и сегодня же узнаю, куда Галя дела ночную рубашку.

На Дорогомиловку я добралась, уже буквально свесив язык на плечо. По дороге купила на Киевском рынке отвратительный хот-дог и смолотила его в секунду. Наверное, не стоит называть сосиски в булке на американский лад «горячей собакой». У нас это уже не смешно, потому что розовенькая колбаска, щедро облитая кетчупом, по вкусу напоминала что угодно, кроме говядины и свинины.

Судя по всему, Витя Репин отлично зарабатывал, потому что его новое жилье располагалось на пятом этаже импозантного дома сталинской постройки. Дверь, естественно железная, оказалась приотворена, и, вопреки ожиданиям, из апартаментов не доносились звуки тяжелого рока. В квартире стояла полнейшая тишина. Насколько понимаю, молодые люди поели, выпили, наплясались и отправились по разным углам заниматься плотскими утехами. Не хочется им мешать, но время поджимает, неаккуратные манекенщицы небось опять устроили из раздевалки свинарник.

Я всунула голову в холл и крикнула:

– Эй, есть кто живой?

В ответ полнейшее молчание. Ладно, сами виноваты, если плюхаетесь в койку, то надо закрывать покрепче дверь. Громко топая и отчаянно кашляя, я пошла по длиннющему коридору, заглядывая во все двери. Никого. Ни на кухне, ни в просторной ванной. Непроверенным осталось только одно помещение, в которое вела большая двустворчатая дверь. Небось голубки в гостиной устроились! Я толкнула безукоризненно белую филенку и, чтобы не заорать, зажала себе рот рукой.

Огромное, почти тридцатиметровое пространство, пол которого был затянут нежно-бежевым ковролином, напоминало кадр из фильма о Фредди Крюгере. Неподалеку от двери лежала ничком девушка в крохотной мини-юбочке. Из-под задравшейся замшевой одежки торчали голубенькие трусики с кокетливыми кружавчиками. На желтой кофточке ярко выделялось небольшое темное отверстие чуть-чуть пониже левой лопатки. Ковролин под несчастной пропитался кровью. Лица убитой я не увидела, поскольку ее голова оказалась закрыта свисавшей почти до пола скатертью. На столе красовались нетронутые закуски – икра, севрюга, миски с салатом и бутылки с шампанским.

Внезапно я почувствовала, как недавно съеденная сосиска рванулась ракетой из желудка. Надеюсь, хозяин не будет на меня в обиде за испачканное ковровое покрытие, поскольку его все равно придется выбрасывать. Впрочем, скорей всего, хозяин не расстроится, потому что ему уже все равно. В левом углу, возле распахнутой балконной двери полусидел парень. Пуля убийцы настигла его в тот момент, когда несчастный открывал дверь, может, хотел позвать на помощь, а может… На цыпочках я добралась до балкона и выглянула в приоткрытую дверь. На кафельном полу там лежал светловолосый юноша. Вся троица была мертва. Мальчикам сделали по контрольному выстрелу в голову, а девчонке, похоже, попали прямо в сердце.

Борясь с тошнотой, я стала отступать и чуть не наступила девушке на руку. Тонкое запястье охватывал браслет – цепочка и пластинка. Преодолевая ужас, я присела и прочитала выгравированное на белом металле имя – «Валентина». Значит, это Валя. Вряд ли девушка надела браслет с чужим именем. А где же Галя?

Пришла в себя я только в Доме моделей. «Вешалки» сегодня оттянулись по полной программе. Небось у кого-то был день рождения. Повсюду стояли одноразовые тарелочки с остатками торта и валялось несметное количество пустых бутылок.

Плюхнувшись на обитый кожей диван, я принялась размышлять. Ну и как мне теперь поступить? Для начала следует заявить в милицию, только мне не хочется это делать. Человек я простой, не слишком обеспеченный, самая подходящая кандидатура на роль стрелочника. И хотя трудно предположить, что у такой дамы, как я, имеется оружие, все-таки осторожность не помешает.

Кое-как наведя порядок, я выскочила на улицу, добежала до метро и набрала в автомате номер «02».

– Милиция, восемьдесят пятый, слушаю, – ворвался в ухо равнодушно-официальный женский голос.

– На Большой Дорогомиловской улице, в квартире лежат три трупа.

– Сообщите свои данные, – потребовала дежурная.

Но я быстренько положила трубку. Теперь совесть чиста, гражданский долг выполнен, а попадать в свидетели мне ни к чему. С гудящей, плохо соображающей головой я вернулась домой, где на меня немедленно налетела Тамара с охапкой новостей. У нее тоже был весьма бурный день.

Сначала они отправились в секонд и, потратив там триста рублей, одели Кристину с головы до ног. Вернее, ноги как раз остались без обновки, и Кристе отдали мои кроссовки. Затем Томуся поволокла Кристю к себе в школу. Директорствует в данном учреждении милейшая Татьяна Андреевна. Томочка терпеть не может врать, но сегодня, наступив себе на горло, принялась вдохновенно выдумывать. История выглядела логично, а главное, что очень важно для Тамары, почти правдиво. К нам, приехала моя родная тетя, беженка из Чечни, вместе со своей дочерью Кристиной. Несчастная женщина неожиданно скончалась, бедной девочке некуда идти, мы взяли ее к себе. Будем оформлять опеку. Нельзя ли принять Кристю в школу? А документы мы принесем в сентябре, сейчас уже май, учебный год заканчивается… Впрочем, никакого личного дела представить не сможем, все бумаги погибли в Грозном. Но Кристя может сдать экзамены…

Татьяна Андреевна, услыхав о злоключениях Кристи, чуть не разрыдалась.

– Завтра же приходи, детка, на уроки, – велела она Кристине, – учебники дадим. Садись пока в шестой класс и вспоминай. Сколько ты пропустила?

– Весь год, – ответила Кристя.

На том и порешили. Обрадованная Томуся потащила Кристину в писчебумажный магазин, где они купили тетради, ручки, ластик и пенал. А у метро им попался ларек, торговавший сумками.

Теперь нужно выправить Кристе документы.

– Хорошо, – пробормотала я, – подумаем.

– И думать нечего, – улыбалась Томочка, – я все уже уладила.

– Как?

– А у нас Юрасик спит в гостиной, его опять Леля из дома выгнала.

Юрасик, а официально Юрий Николаевич Петров, ответственный сотрудник МВД. Недавно получил майорские погоны. На службе Юрасика ценят, с коллегами у него полное взаимопонимание, а дома просто беда. Леля, любимая и обожаемая супруга, совершенно не желает мириться с образом жизни мужа. Она хочет, чтобы он вел себя, как все – уходил к девяти на работу и возвращался в семь. По выходным им следует ездить вместе к Лелиной маме, а в праздничные дни сидеть всей семьей за столом и распевать «Калина красная».

Но в реальности все обстоит совсем иначе. Теща не видела любимого зятя почти год, а Пасху, Рождество и годовщину собственной свадьбы Леля отмечает в гордом одиночестве. Ситуацию обостряет ее патологическая ревность. Стоит несчастному Юрке переступить порог квартиры, как женщина принимается подозрительно осматривать и обнюхивать его одежду. Обнаружив сомнительный волосок, она издает боевой клич и приступает к военным действиям. Несмотря на то, что Юрка весит почти сто двадцать килограммов, а Леля едва набрала пятьдесят, победа всегда остается на стороне слабой половины. В голову Юрасика летит посуда, кухонная утварь и табуретки. Заканчивается скандал всегда одинаково: Леля хватает немногочисленные вещички супруга, запихивает их в сумку и вышвыривает на лестницу. Юрка подбирает свой скарб и спускается к нам на третий этаж.

Такие разборки происходят у них примерно раз в месяц и стали совершенно привычным делом. Юрка не спорит с Лелей, поскольку переорать ее невозможно, просто ждет, когда буря утихнет. Разводиться со скандалисткой он не собирается. Во-первых, Юра нежно любит свою ревнивую половину, а во-вторых, не хочет, чтобы два его сына-близнеца стали безотцовщиной.

– И что ты ему сказала? – поинтересовалась я.

– А то же, что и Татьяне Андреевне, – улыбнулась Томуся. – Обещал помочь, у него полно знакомых.

Что верно, то верно – не имей сто рублей, а имей сто друзей…

– Что у тебя? – спросила Томуся.

Я на секунду задумалась. У подруги больное сердце, мерцательная аритмия, приступ может спровоцировать любое волнение, даже радостное. Ей явно не стоит рассказывать про трупы на Большой Дорогомиловской улице.

– Пока ничего, – пробормотала я, – нашла людей, которым принадлежала сорочка. Теперь следует выяснить, кем им приходится Вера.

– Может, лучше все же обратиться в милицию, – протянула Томуся.

Я покачала головой:

– Нет. Скажи, как бы ты поступила, убеги у тебя из дома психически ненормальная сестра или дочь? Ночью, почти голая.

Томуся распахнула свои огромные голубые глаза и с жаром возвестила:

– Ну сначала следует звонить дежурному по городу, потом по знакомым, пусть все ищут; объявление на телевидение, в газетах…

– Погоди, – остановила я ее пыл, – думается, многие поступили бы так же, но не все. Веру не ищут, и это наводит на нехорошие подозрения.

– Какие?

– Вдруг ее просто выставили вон? Избавились от лишнего рта, работать-то она не может! Значит, милиция сдаст ее в психушку, и девушка просто сгинет.

– И что ты предлагаешь? – спросила Томуся.

– Давай поищем ее семью и разузнаем потихоньку, что к чему. Если не получится найти родителей, обратимся в органы.

– Ладно, – тут же согласилась Томочка, – мне жаль Верочку.

Юрка проснулся в полседьмого и тихонько начал складывать кресло. Я услышала скрип и выползла в гостиную. Юрасик расстелил накидку и шепнул:

– Кофе дашь?

– Только растворимый, – тоже шепотом отозвалась я.

Мы прошли на кухню, где приятель получил не только чашку «Нескафе», но и два яйца с куском колбасы.

– Кто это у вас еще поселился? – поинтересовался Юрка, поспешно глотая завтрак.

– Ты вчера не понял? Кристина, моя племянница.

– Нет, я про другую. На диване кто спит?

– Вера, тоже родственница.

– Ясно, – буркнул Юрка и начал искать сигареты.

Я подождала, пока он закурит, и спросила:

– Юрасик, можешь сделать доброе дело?

– Смотря какое, – осторожно ответил майор. – Если опять гроб выносить, то ни за что!

Недавно в четвертом подъезде умерла девяностопятилетняя Анна Семеновна. Родственников у старушки кот наплакал, и всем им далеко за восемьдесят. Этакий цветник из божьих одуванчиков. Мы с Томочкой взялись помочь при организации похорон – испекли блины, сварили кутью, накрошили «Оливье». Оказалось, что выносить домовину некому, собрались на похороны только крайне пожилые люди. Честно говоря, я надеялась, что фирма «Ритуал» пришлет кого-то в помощь, кстати, мы оплатили их услуги, но автобус прибыл лишь с шофером, правда, молодым и крепким парнем.

– Вы только найдите еще одного такого, как я, – шепнул он мне, – и дело в шляпе. Бабуся худенькая, стащим вниз без проблем.

Во дворе мы обнаружили Юрасика. Он, как и я, живет в нашем доме с детства. Анна Семеновна работала в районной библиотеке и частенько давала нам книги на дом из читального зала…

Вначале все шло замечательно. Мужчины подхватили гроб и понесли, как положено, вперед ногами. Но лестница в нашей «хрущобе» крутая и невероятно узкая, в какой-то момент шофер, державший изголовье, слишком высоко поднял свой край и… Анна Семеновна выпала на Юрку.

Майор чуть сам не отдал богу душу от страха.

– Прикинь, – жаловался он мне. – Жуть какая!

– Думала, ты не боишься трупов, – удивилась я.

– Чужих нет, – вздохнул Юра, – а от своих шарахаюсь.

– Никаких гробов, – успокоила я его. – Проверь одну информацию. В Екатеринбурге жил некий Зотов Анатолий Иванович, вроде богатый бизнесмен. Его убили осенью прошлого года – взорвали в машине.

– Ну и что?

– Узнай, умер или нет и куда подевались его родственники.

– Зачем?

– Меня попросила одна подруга, очень дальняя родня Зотова, волнуется, может, ей чего из наследства перепадет.

– Без проблем, – пообещал Юрка и унесся.

Следом за ним проснулись, позавтракали и ушли в школу Тамара и Кристя.

– Пригляжу за ней первые дни, – объяснила Томочка, – а после трех она ко мне в группу придет.

Подруга стала открывать дверь и ойкнула:

– Совсем забыла. На холодильнике бумажка, позвони, к тебе просится новая ученица.

Я радостно пошла на кухню. Просто великолепно. Ребенок должен заниматься не реже двух раз в неделю. Если родители платят по сто рублей за урок, то в месяц выходит восемьсот, а иногда и тысяча.

– Алло, – ответил высокий женский голос.

– Это Виола Тараканова…

– Прекрасно, – отрезала тетка, – приходите в одиннадцать утра, Барыкинская улица…

– Но лучше после трех, когда ребенок дома…

– Настя изображает болезнь, – сообщила баба.

– Тогда подождем, пока выздоровеет.

– Дорогая, – высокопарно заявила нанимательница, – вы не дослушали. Анастасия – симулянтка, а мать ей совершенно зря верит. Приходите, она сидит у компьютера, развлекается и ничего другого не желает делать!

– Значит, вы не мама?

– Бабушка, Элеонора Михайловна, – представилась собеседница. – Жду в одиннадцать.

Я с удивлением посмотрела на трубку. Вот ведь как странно – обычно бабули балуют внучек до безобразия, но здесь, похоже, иной вариант.

Усадив Веру пить чай, я опять приступила к допросу:

– Фамилию не вспомнила?

– Нет.

– Адрес.

– Нет, – покачала головой Верочка и улыбнулась. – Ой, мышки вышли.

Билли и Милли сидели у раковины в ожидании завтрака. Я взяла со стола тарелочку с геркулесовой кашей, положила себе на ладонь пару ложек и протянула Милли. Та принялась преспокойно лакомиться. Я погладила ее другой рукой по шерстке.

– Можно мне тоже потрогать? – попросила Вера.

– Конечно, Милли не боится.

– Ой, какая лапочка, шубка бархатная, нежная-нежная, – радовалась Верочка и внезапно сказала: – А вот у моей собаки шерсть жесткая.

– У тебя собака? Какая?

Вера призадумалась:

– Большая… Не помню…

Я сбегала к Наташе и попросила «Энциклопедию домашних любимцев». Страшно забавная книжка с фотографиями кошек, всевозможных псов, хомячков и морских свинок. Пудели, мопсы, таксы и овчарки оставили Веру равнодушной. Но, перевернув одну из страниц, она захлопала в ладоши:

– Вот, жутко похоже, эта мне нравится.

Я вгляделась в картинку. Мне изображенное на ней животное не показалось милым. Высокая собака с неаккуратной, какой-то клочкастой шерстью. «Дратхаар» – гласила подпись. Надо же, первый раз узнала, что есть такая

порода. Вообще говоря, по-немецки Draht – это проволочка, а Haar – волос. У собаки, которая называется «проволочный волос», шерсть и впрямь должна быть жесткой.

ГЛАВА 7

К Элеоноре Михайловне я вошла ровно в одиннадцать. Отлично отремонтированная квартира, роскошная мебель и великолепные ковры. Семья явно не нуждалась. Бабушка оказалась вполне моложавой женщиной со спортивной фигурой и умело подкрашенным лицом. В ушах у нее ослепительно сверкали серьги, скорей всего, с бриллиантами. Я не слишком разбираюсь в камнях, у меня никогда их не было, а из драгоценностей владею только двумя золотыми колечками с ужасающими рубинами. Они достались мне в наследство от тети Раи.

Элеонора Михайловна царственным жестом указала на кожаный диван и завела долгий монолог:

– Вас порекомендовала мать Кирилла Когтева. Она вами очень довольна. Кирилл подтянул немецкий, вышел на твердую пятерку.

– Он хороший мальчик, старательный.

– Анастасия – лентяйка, – отрезала бабка, – вся в своего отца. Слава богу, он больше не живет с моей дочерью. Отвратительный человек.

Изобразив на лице самую сладкую улыбку, я качала головой. Нам с Тамарой нужны деньги, и я не капризничаю, учу всех, кто готов платить. Репетиторский хлеб тяжелый, приходится искать контакт не только с ребенком, но и с его родственниками, а это порой крайне непросто. Элеонора Михайловна не вызвала у меня хороших эмоций, именно поэтому я старательно растягивала губы в разные стороны.

– Абсолютно неуправляема, груба, эгоистична, – не унималась бабушка, – уроки никогда не делает, носит сплошные тройки и замечания. При малейшей

возможности плюхается у телевизора и тупо пялится в экран. Вылитый отец! Тот тоже день-деньской футбол смотрел. Ваша задача вывести Анастасию на четверку. Можете приступать, ее комната по коридору налево.

– Но она ведь больна…

– Симуляция, сунула градусник в чай и демонстрирует, а все, чтобы не работать. Ее отец тоже, – она внезапно остановилась.

Я, стараясь не рассмеяться, мысленно докончила фразу: «…засовывал градусник в кипяток и показывал начальству».

– Начинайте, – скомандовала Элеонора Михайловна.

Я пошла по коридору, чувствуя между лопаток ее злобный взгляд. Комната девочки была обставлена скудно, если не сказать бедно. В тесном маленьком помещении стояли только весьма потертый диван и замусоленный письменный стол, на стене висело несколько книжных полок. Удивляло полное отсутствие игрушек и каких-либо ненужных мелочей – стеклянных фигурок, фенечек, пластмассовых стаканчиков и дисков, которые обожают девочки. Впрочем, ни телевизора, ни магнитофона, ни плеера тоже не наблюдалось. Больше всего этот унылый пейзаж напоминал тюремную камеру: ничего лишнего, только самое необходимое. Настя, тоненькая девочка с роскошной рыжей косой, встала при моем появлении и шмыгнула носом. Красные глаза без слов говорили – у ребенка простуда.

– Садись, Настя, – приветливо обратилась я к девочке. – Имей в виду, я никогда не работала учительницей, просто хорошо знаю язык. Давай попробуем подружиться.

– Ладно, – шепнул ребенок.

– Какой у тебя учебник? «Дойчмобил»?

Я протянула руку к стопке книг на краю стола и увидела на занавеске записку. Ярким красным фломастером на иссиня-белой бумаге был написан потрясающий текст:

«Настя – ленивая врунья. Она обязана: а) делать уроки; б) убирать комнату; в) вежливо разговаривать; г) есть три раза в день, а не каждый час; д) помнить, что ее отец – это дурной пример».

– Кто написал сей меморандум? – изумилась я.

– Бабушка, – шепнула Настя. – Она хочет, чтобы из меня вышел хороший человек.

Секунду поколебавшись, я сказала:

– Знаешь, мы сейчас это снимем и выбросим.

– Бабушка ругаться станет, – испугалась девочка.

– Не беда, – успокоила я ребенка и содрала «указаловку».

Через час мне стало понятно: Настя предельно запугана. Ее двойки – результат неуверенности, а не лени.

– Почему здесь нет игрушек? – поинтересовалась я, когда время, отведенное на занятия, истекло.

– Бабушка говорит: плохие дети не имеют права на игрушки, а я плохая, я – двоечница, – заученно повторила Настя.

Жаркая волна злобы поднялась со дна моей души.

– Мама твоя где?

– Деньги зарабатывает, у нее бизнес, – вздохнула ученица, – редко приезжает, я с бабушкой живу.

– Ну-ка, дай чистый листок!

– Зачем?

– Давай, давай!

Трясущимися от злости руками я принялась выводить крупными буквами свой текст:

«Элеонора Михайловна – злая бабушка. Она обязана: а) быть добрей; б) купить Насте игрушки; в) перестать ее ругать; г) помнить, что растущий ребенок постоянно хочет есть; д) знать, что во внучке кровь не только отца, но и матери, а, следовательно, и бабушки».

– Ну-ка погляди потихоньку, что Элеонора Михайловна делает?

Настя выскользнула в коридор и через секунду сообщила:

– В магазин вышла.

– Откуда знаешь?

– Кухня заперта и ее комната. Она всегда все закрывает, если уходит.

Мы взяли «письмо» и прикололи его на занавеску в ванной.

– А ты, Настёна, – велела я, – помни, что являешься отличной, умной, красивой девочкой.

– Я нескладная…

– Ерунда, просто фигура еще не оформилась, и потом, смотри, какие у тебя роскошные волосы, очень редкого цвета…

– Вы еще придете? – прошептала Настя, беря меня за руку.

– Обязательно, – пообещала я.

Гнев остыл только в метро. Ну кто решил, что пожилые люди умны, тактичны и добры? По-моему, к старости характер только портится. Появляется

обидчивость, слезливость и неуемное желание всех поучать! Продолжая злиться, я прибыла домой и налетела на Веру:

– Больше ничего не вспомнила?

– Нет, – мотнула та головой, опуская кисточку в воду.

– Откуда у тебя краски и бумага?

– Тамара купила, – радостно пояснила Верочка, – попросила картину написать, пейзаж для гостиной!

Она с восторгом принялась водить по листу мокрой кистью. Из моей груди вырвался тяжелый вздох. Все-таки она нездоровый человек. Ну кому придет в голову опускать кисть в воду, а потом размазывать ее по ватману? Надо же краску зачерпнуть. Но Верочка самозабвенно мочила бумагу. Наконец я не выдержала:

– Возьми краски.

– Нет, – улыбнулась Вера, – это акварель, а перед тем как начать работать красками, нужно пропитать лист водой.

– Зачем?

Вера пожала плечами:

– Так нужно.

– Откуда знаешь?

– Знаю, и все тут, – ответила Верочка и уставилась в окно.

Оставив ее творить, я прошла в спальню и позвонила Ленке Малаховой. Ленусик – психолог и всегда готова дать добрый совет.

– Скажи, – спросила я, услыхав звонкое «алло». – Все ли сумасшедшие теряют память?

– Ну, в психиатрии я разбираюсь плохо, – завела Ленка.

– Разве психолог и психиатр не одно и то же?

– Нет, конечно, – засмеялась Ленка. – Но, насколько я понимаю, амнезия не характерна для измененных состояний. Конечно, частенько наблюдается аутизм, но его не следует путать с амнезией.

– А если попроще, по-человечески объяснить?

Ленка захихикала:

– Шершавым языком журнала «Здоровье»? Обитатели сумасшедших домов часто не любят вступать в контакт, разговаривать. Ты ему: «Как зовут?» А в ответ – тишина. Но не потому, что память потерял, а потому что беседовать не желает. Усекла?

– Амнезия отчего бывает?

Ленка присвистнула:

– Практически неизученная вещь. От удара, стресса, насилия, словом, когда организм защищается…

– Это как понять?

– Ну, допустим, напал на девушку насильник, сделал свое дело и бросил несчастную. А у той потеря памяти, провал. Ее мозг понял, что воспоминания о насилии опасны для хозяйки, и «стер» информацию.

– И она забыла, как ее зовут?

– Ну это уж слишком. Просто не может понять, отчего платье разорвано… Наш мозг может творить чудеса, он вытесняет неприятные сведения. Вот я, например, не могу запомнить телефон свекрови. А почему? Да просто мои глупенькие мозги считают, что лучше мне с этой дамой не начинать беседу, и, надо отметить, они правы.

– Значит, потерявшие память не психи?

– Только в редких случаях.

– Почему же все так странно: имя человек забыл, фамилию, адрес, а воду в чайник наливает и в сеть включает и зубы чистит?

– Я же сразу сказала: амнезия – темное, плохо изученное дело, – терпеливо пояснила Ленка, – бытовые навыки, пристрастия, как правило, остаются. Если до болезни любил шоколад, то, заработав амнезию, не начнет есть соленые огурцы. Да зачем тебе все это?

– Сценарий хочу написать, «мыльную оперу».

– Молодец, – одобрила Ленка, – выгодное дело.

Я положила трубку и принялась задумчиво глядеть в зеркало. Значит, Вера не сумасшедшая. Честно говоря, она не слишком смахивает на завсегдатая специализированных лечебниц…

Резкая трель звонка заставила меня вздрогнуть. Наша квартира похожа на проходной двор. Как у кого что случится, сразу сюда!

– Помогите, – завопила Аня, – умирает!

– Что на этот раз?

– Жуткая болезнь! Наверное, чума!

– Не пори чушь, – обозлилась я. – Чума осталась только в пробирках.

– Нет, – рыдала Анюта, – нет. Машка страшно заболела. Вилка, пойди взгляни.

Если о чем я понятия не имею, так это о детских инфекциях. Сама ничем не болела. Кажется, такое явление врачи называют «эффектом цыганского ребенка». Крохотный человечек бегает почти босиком по ледяным лужам, ест все подряд, спит под дерюжкой и… не болеет. Тетя Рая не слишком за мной приглядывала. Я вбегала в дом в мокрых ботинках, хватала холодную отварную картошку без масла, запивала водой из-под крана и снова неслась на улицу. Но все болячки обошли меня стороной, а вот Томуся, которую оберегали, как драгоценную хрустальную вазу, и в июне не выпускали на прогулку без шерстяных носков и шапочки, поимела весь букет – свинка, ветрянка, корь, скарлатина, коклюш…

– Вот, – трагически возвестила Аня, подталкивая меня к Машкиной кроватке, – вот.

Я уставилась во все глаза на пухленькую девочку, весело потрошившую плюшевого мишку. Зрелище было не для слабонервных. Все хорошенькое личико Машки покрывали ровные пятна. Цвет их колебался от нежно-голубых до интенсивно синих. Несколько пятнышек виднелось на тыльной стороне пухленьких ручек.

– Ну-ка, сними с нее пижаму, – велела я.

Анюта, всхлипывая, стащила с дочери розовый комбинезончик с вышитыми на нем зайчиками. Обнажилось толстенькое нежное тельце, очаровательное, в складочках и ямочках. Пятен на нем не было. Странная зараза поразила только личико, кисти рук и стопы.

– Надо звонить доктору, – вздохнула я и стала набирать телефон Кости.

По счастливой случайности, тот оказался дома.

– Синие пятна? – удивился Костик. – На лице?

– Немного есть на руках и ногах.

– Синяки?

– Нет, – пробормотала я, – на кровоподтеки не похоже.

– Сейчас приду, – пообещал приятель.

Аня, безостановочно рыдая, твердила:

– Господи, только бы не скончалась!

Но Машка, судя по всему, умирать не собиралась. Она весело лопотала и безостановочно требовала:

– Бум-бум, Мака, бум-бум.

Я дала ей карамельку, и Маша принялась аккуратно разворачивать бумажку.

Наконец прибыл Костя.

– Интересно, интересно, – бормотал он, изучая пациентку. – Первый раз с подобным сталкиваюсь. И давно это с ней?

– Нет, – всхлипнула Анюта, – только началось.

– Изложи детально, – потребовал Костя.

Аня принялась перечислять события сегодняшнего дня. Утром гуляли, потом обедали, затем она уложила Маню спать. Поскольку дорогие памперсы ей не по карману, то Машка тут же намочила постель, и пришлось менять белье. Анечка постелила новый, купленный вчера возле магазина «Детский мир» комплект – простынка, наволочка и пододеяльник, белые в синий горошек. Дочка спокойно заснула, а потом началась эта жуткая, страшная, смертельная, неизлечимая, неизвестная науке и лучшим врачам болезнь.

– Ой, погоди, не тарахти, – поморщился Костя, – говоришь, белье в первый раз постелила?

– Да, – подтвердила Аня.

Костя послюнил палец и потер подушку.

– Вот, – торжественно произнес приятель, – гляди!

Мы уставились на его темно-синюю фалангу.

– Это что? – осевшим голосом прошептала Аня. – Так заразно? Через белье передается?

– Нет, – хмыкнул Костя, – краска такая некачественная. Дочка твоя во сне вспотела, и все горошки на ней и отпечатались.

– Значит, она не умрет?

– Скончается когда-нибудь лет в сто от старости, – хихикнул Костя, – только имей в виду, линючая наволочка не будет иметь к этому никакого отношения.

Анюта облила нас всех слезами и принялась угощать чаем. Я отказалась, а Костя с удовольствием принялся за домашний пирог с вареньем.

Дома я залезла в спальне на диван, вытащила толстую серую тетрадку, ручку и призадумалась. Когда я записываю свои мысли, это мне всегда помогает. Итак, что мне известно. Имя – предположительно Вера, хотя не точно. Скорей всего не сумасшедшая, а просто потерявшая в результате стресса память девушка. И почему ее не ищут родственники? Как на ней оказалась рубашка, отданная Гале? И где сама Галя? Наверное, дома.

Я отложила ручку и принялась выщипывать нитки из покрывала. Интересно, что приключилось на Дорогомиловке? Кто убил девушку Валю и двух парней? Нет, как ни крути, а придется вновь ехать на Ремонтную улицу и попытаться отыскать Галину. Ну должна же она помнить, кому отдала ночную сорочку?

Посидев еще минут десять, бессмысленно ковыряя накидку, я приняла решение. Еду к Гале. Надеюсь, сегодня ее папаша окажется вменяемым.

Но дверь мне открыла заплаканная женщина с изможденным, каким-то «стертым» лицом. Жидкие пряди волос мышиного цвета уныло свисали, обрамляя худенькую треугольную мордочку. У наших Билли и Милли мех сверкает и переливается, несмотря на серый оттенок. У женщины же волосы напоминали старые штопальные нитки. Блеклые голубые глаза, выцветшие брови и бескровные губы.

– Вы к кому? – тихо спросила она.

– Галю можно?

– Нет ее, – прошептала женщина. – Второй день уже домой не приходит.

– Вы Света?

Она кивнула и тихо заплакала. В отличие от моей соседки Ани, рыдающей бурно, напоказ, с трагическими завываниями и заламыванием рук, Света просто скулила, как побитая собака. Вид она имела жалкий и беспомощный. Я вообще не люблю плачущих людей. Ну какой смысл распускать сопли? Всегда лучше попытаться справиться с ситуацией.

– Пошли, – велела я и двинулась в квартиру.

Хозяйка покорно поплелась за мной.

– Муж дома? – поинтересовалась я, оглядывая крохотную кухоньку.

– Так на работе, – пояснила Света.

– И где же он у тебя трудится? – изумилась я.

– Грузчиком на складе сейчас.

– А раньше?

– И не припомнить всего, – вздохнула Света. – Гонят отовсюду, несчастье горькое, всю жизнь на горбу тяну…

– Разведись.

– А квартира?

– Разменяй.

– Только комнаты в коммуналках выходят.

Я пожала плечами. По мне, так лучше с приличными соседями, чем в отдельной квартире с алкоголиком. Но, в конце концов, каждый сам выбирает свою судьбу, и воспитывать Свету я не стану.

– Где можно найти Галю?

Света вновь залилась слезами:

– Не пришла ночевать.

– Такое впервые?

Женщина кивнула:

– Если только у Валентины оставалась, у подруги. А сегодня…

– Что?

Света продолжала тихо плакать.

– Послушай, возьми себя в руки и расскажи по порядку!

Внезапно Света замолчала, утерла лицо кухонным полотенцем и вполне внятно принялась излагать события.

Галочка хорошая девочка, послушная и домашняя. Вполне нормально окончила школу, а потом поступила учиться на медсестру, да не на простую, а операционную. Четыре года нужно ходить в училище, тогда как простой средний медицинский персонал выпускают за две зимы. Но Галине хотелось стоять у хирургического стола, а в душе она лелеяла мечту продолжить образование в институте. На фоне местных девочек, куривших с двенадцати лет, пивших водку с третьего класса и таскающихся по подвалам с парнями, Галочка явно выделялась. Никто не видел ее с сигаретой, а тем более с бутылкой. И мальчик у нее был постоянный – Коля Федоров, бывший одноклассник. С девушками Галочка не слишком дружила, из подруг у нее была только Валя. Они сидели за одной партой, и, глядя на Евгению Николаевну, Валину мать, Галочка решила стать врачом.

Вчера утром, где-то около одиннадцати, Галя и Валя отправились на день рождения к Вите Репину. В районе полудня они предполагали встретиться с Колей Федоровым и поехать за подарком…

Около двух Галочка позвонила маме и радостно защебетала:

– Так повезло! В метро купили у вьетнамки шарф, шерстяной, жутко красивый, всего за семьдесят рублей. Витьке понравился. Так что сейчас начнем веселиться.

– Тебе завтра на занятия, – напомнила мать.

– Мусечка, – прочирикала Галя, – ложись спать, не жди, нас ребята до дому довезут!

Света превосходно знает и Витю, и Колю. Мальчики они положительные. Один успешно занимается бизнесом, другой учится в МГУ. Роман с подругами длится у них со школы, а с женитьбой пока не торопятся, хотят покрепче встать на ноги. Света разрешает Коле оставаться ночевать в Галиной комнате. Словом, бедная мать не ожидала вчера ничего плохого и спокойно легла спать.

Утро принесло страшную весть. Валю убили. Евгению Николаевну отвезли в больницу с инфарктом, а Света мечется по квартире в ужасе. От Гали до сих пор ни слуху, ни духу.

– У вас есть фотографии Вити и Коли? – поинтересовалась я.

– На выпускном вечере делали, – вздохнула Света и вытащила большой снимок. Человек двадцать ребят на крыльце школы. Девочки впереди, мальчики сзади.

– Вот, – ткнула Света пальцем в весело смеющегося паренька. – Витя. Я подавила тяжелый вздох. Репин мало изменился с той поры, его можно сразу узнать. Именно он лежал на балконе.

– Это Коля, – сообщила Света, передвигая ноготь с облупившимся лаком вниз. Значит, в углу сидел Николай.

– Вали тут нет, – пояснила Света, – она болела, а Галочка справа, рядом с учительницей.

Круглощекая девочка с крупным носом серьезно смотрела в объектив. О таких говорят – положительная.

– Не предполагаете, куда она могла пойти?

Света покачала головой.

– Может, к подружкам по училищу?

– Нет, она их не любит, – пояснила мать, – дружит только с Валей, Колей и Витей.

Повисло молчание. Затем Света робко осведомилась:

– Вы ведь из милиции, да? Как думаете, с ней ничего дурного не произошло?

– Всегда следует надеяться на лучшее, – осторожно ответила я и спросила:

– Нет ли у вас более четкого фото Гали?

Света порылась в обувной коробке, служащей в этом доме фотоальбомом, и вытащила довольно большой снимок.

Галя, вновь без всякой улыбки, стоит возле колонны. На ней джинсы и темный пуловер.

– Можно взять?

Света кивнула.

– Если Галя вдруг вернется, – попросила я, – пусть позвонит по этому телефону и спросит Виолу.

– Ладно, – пробормотала Света и опять заплакала.

Я вытащила рубашку и показала ей.

– Ваша?

Светлана поглядела на кусок тонкого батиста.

– Нет, хотя…

– Что?

– Соседка моя работала в богатом доме, ей там вещей надавали, она и подарила Галочке целую сумку. Небось рубашка оттуда.

– А остальные шмотки где?

– В шкафу.

Мы прошли в маленькую комнатку, и я нашла на вешалках две пары брюк отличного качества, несколько свитеров, блузку и платье. Вещи резко отличались от остальных и были приятных светло-бежевых тонов.

– Не знаете, кому Галя могла подарить сорочку?

Света всхлипнула:

– Может, Вале?

Так ничего и не узнав, я пошла к двери, на пороге обернулась и увидела, что хозяйка уткнулась лбом в какую-то куртку, висевшую на вешалке. Ее острые плечи вздрагивали, но из груди не доносилось ни звука. Мне стало жаль бедняжку. Я вернулась и, обняв ее за талию, сказала:

– Не надо. Вы знаете, что Витя и Коля убиты?

Света кивнула и затряслась еще сильней.

– Они погибли втроем, – продолжала я, – мальчики и Валя. Кто-то вошел, когда ребята только-только садились за стол, еда осталась практически нетронутой!

– Зачем вы мне такой ужас рассказываете? – пролепетала Света.

– А ты подумай! Безжалостный киллер убил всех, но Гали не нашел. Скорей всего ее там не было.

– Куда же она делась?

– Знаешь, как случается, – бодро продолжала я, – собрались покушать, а про хлеб забыли. Вот и послали Галочку в булочную. Пока она бегала, появился убийца и уничтожил ребят. Наверное, Галя вернулась, увидела побоище и в страхе убежала, а теперь прячется где-нибудь, боится показаться на люди. Она обязательно даст о себе знать!

– Вы считаете? – повеселела Света.

– Конечно, абсолютно уверена, – покривила я душой и ушла.

На улице я еще раз внимательно поглядела на снимок Гали. Да, скорей всего, киллер увел с собой девушку. Интересно, почему он не пристрелил ее, как остальных? Ни в какую булочную Галю, естественно, не посылали. Я хорошо помню, что на сервировочном столике стояла тарелка с нарезанным хлебом. И

сигареты валялись рядом. Впрочем, наверное, мальчики отправились бы за едой и куревом сами. И что теперь делать? Единственная ниточка, ведущая к Вере, – это ночная сорочка. А единственная свидетельница – Галя. Значит, надо ее отыскать. Приняв решение, я поехала вновь на Большую Дорогомиловскую улицу.

Май в нынешнем году выдался чудесным. Нет пронизывающего холода и удушливой жары. Ласковая погода так и манит на улицу. Небось перед домом на Дорогомиловке сидят на лавочках старушки и гуляют с младенцами молодые мамы. И тем и другим скучно, любой человек, выходящий из подъезда, подвергается обсуждению, во всяком случае, в нашем дворе все происходит именно так.

ГЛАВА 8

Но на Дорогомиловке оказалось по-другому. Двор радовал глаз редкой ухоженностью, но никаких скамеечек там не стояло. Старушки небось сидели у телевизоров, а мамаши варили кашу своим младенцам. Приуныв, я толкнула дверь подъезда Вити и услышала грозный окрик:

– Вы к кому?

Надо же, оказывается, тут дежурит лифтерша, причем довольно молодая. Но, помнится, вчера здесь никто не сидел.

– Вы к кому? – повторила консьержка.

Я вытащила из кармана фото Гали.

– Не встречали здесь такую девушку?

Дежурная поглядела на снимок, потом на меня и поинтересовалась:

– Вы из милиции? Предъявите документы.

Надо же, какая бдительная. Но работа наемной учительницей научила меня управляться с любыми людьми.

Опустив уголки рта вниз и сделав умоляющее лицо, я простонала:

– Нет, тетка я ей, Гале. Девка домой не пришла, а утром сообщили про убийство. Мать замертво свалилась, а милиция и не чешется. Говорят, раз вашу не пристрелили, ждите, авось вернется, но искать не собираются. Вот и пришла сама народ порасспрашивать…

Неприступная лифтерша отмякла.

– Наши менты только бабулек горазды от метро гонять, – вздохнула она. – Кого посерьезней боятся или деньги берут, сволочи, одним словом. А девочку вашу хорошо знаю. У нее подружка есть, Валечка. Они часто к Вите Репину приходят. Вот ведь ужас! Такие хорошие дети, несовременные. Витенька компьютерами торговал, но не загордился. Телевизор мне купил, чтобы не было скучно сидеть в подъезде.

– Вы и вчера работали?

– Нет. У нас смены. Сутки тут, трое дома. Вчера вообще никто не дежурил.

– Почему?

– Софья Андреевна уволилась, никого пока не наняли. Зарплата – чистые слезы, вот и не идет народ.

– Досадно как, – вздохнула я. – Думала разузнать хоть что-нибудь…

– Знаете, – посоветовала лифтерша, – ступайте в первую квартиру, сразу за лифтом.

– Зачем?

– Там Володя Пискунов проживает, инвалид. Ноги у него не ходят. Родители на работе, а паренек в окно глядит, лучше дежурных все знает.

Я позвонила в дверь. Раздался щелчок, и замок отворился, но в прихожей никого не было.

– Идите в комнату, – раздался издалека детский голос.

Я пошла на зов. В большой просторной комнате на широкой кровати возле незанавешанного окна полулежал худенький, бледный мальчик.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он, – вы ко мне? Извините, но встать не могу, болею.

– Как же дверь открыл? – изумилась я.

– Папа дистанционное управление сделал, – пояснил Володя.

Судя по всему, родители постарались, как могли, скрасить жизнь несчастного калеки. В спальне стояли телевизор, видеомагнитофон и плеер, а возле кровати на специальной подставке высился монитор от компьютера, клавиатура лежала на одеяле рядом с трубкой радиотелефона.

– Скажи, Володенька, не видел ли ты во дворе эту девушку?

Мальчик взял фото и чрезвычайно оживился.

– Видел, и не раз, а вы из милиции, да? Дело об убийстве расследуете?

– Откуда тебе все это известно?

Володя фыркнул:

– Что я, дурак? Тут машины стояли, трупы выносили в мешках. Ольга Петровна из двенадцатой квартиры в обморок упала. Такое не каждый день случается.

– И часто в окно смотришь?

– Глаза от компьютера устают, – вздохнул по-взрослому Володя. – Этаж у нас первый, некоторые люди так дверью в подъезде хлопают, что стекла звенят, автомобили припарковывают, волей-неволей заинтересуешься. А девушку эту Галей зовут. Форточки у меня всегда нараспашку, чтобы духоту прогнать, ну и слышал, как ее Витя Репин звал: «Галочка, Галочка». Она сюда часто ходила.

– У них роман был?

– Не-а. У Вити другая. Валя. Они иногда из машины выйдут и целуются, думают, что их никто не видит.

– Вчера тоже в окно поглядывал? Можешь что-нибудь интересное рассказать?

Володя прищурился:

– А то! Записывайте!

На секунду я растерялась. И то верно: во всех кинофильмах сотрудник милиции достает планшет и быстро-быстро начинает оформлять свидетельские показания.

– Вот что, дружочек, давай считать, что мы просто беседуем, а протокол оформим потом.

– Понимаю, – кивнул головой Володя, – вы не имеете права допрашивать несовершеннолетнего без присутствия взрослых. А так – просто разговор!

Я с уважением покосилась на парня.

– Откуда так здорово разбираешься в законах?

– Телик гляжу, – улыбнулся Володя, – всякие детективы, страсть как люблю криминальные истории.

– Ну и что можешь рассказать?

Володя возбужденно затараторил. Вчера он с утра довольно долго играл в Интернете и устал, он вообще быстро утомляется, наверное, из-за болезни. Где-то около часа увидел, как в подъезд входят оживленные Галя, Валя и высокий, стройный парень. Как зовут юношу, подросток не знает, но частенько видит его вместе с Витей. А Репина Володя любил. Богатый сосед дарил ему компьютерные игрушки и интересные книги, а иногда забегал просто так, поболтать с инвалидом. У них дом ведомственный, все друг друга знают, и появление «нового русского» вызвало шквал негативных эмоций. Вот Репин и старался заработать хорошую репутацию среди жильцов.

– У Вити был день рождения, – излагал Володя. – Галя с Валей, пока шли к подъезду, громко так обсуждали, как станут его за уши вверх тянуть. Потом в подъезд мужчины вошли. Высокие, худые. Я еще подумал: «К кому они?» Знаете, когда в окно часто глядишь, всех знаешь, и про все тайны тоже.

– Так уж и про все!

Володя серьезно ответил:

– Про все. То, что я у окна лежу, мало кому известно. Разве что Вите, да Людмиле Сергеевне, лифтерше, она к нам убирать ходит. А насчет секретов… У Анны Львовны из шестьдесят второй любовник есть. Только Семен Михайлович на работу, а заместитель – сюда. Малахова из пятьдесят девятой, когда мама в командировку уезжает, сразу Аньку Карелину ночевать зовет, они лесбиянки!

– Ты лучше про Репина, про вчерашние события расскажи!

– Ну зашли мужики, а потом вместе с Галей выходят. Я еще удивился. Она так странно шла, навалилась на них и ногами тюк, тюк, словно коленки плохо гнутся. Дальше все – сели в машину и уехали.

– Автомобиль запомнил?

– Белая «пятерка», левое крыло побито, у ветрового стекла бумажная елочка болтается, номер 867КЕ, – отрапортовал на одном дыхании мальчишка.

– Ну ты даешь! – пришла я в восторг. – И как все запомнил?! А главное, зачем?

– Странным показалось.

– Что?

– А все. Мужики пришли буквально через пятнадцать минут после Гали и Вали. Ну зачем бы девушке с ними уезжать, ведь веселиться собралась. Шла она странно, один из них все время оглядывался и в машину ее толкнул грубо очень. Я еще подумал, чего там у них стряслось?!

– Ну и? – напряглась я.

Если паренек весь день глядел в окно, а зрение у него, судя по всему, стопроцентное, то сейчас он припомнит, как в подъезд вошла я, поймет, что к милиции не имею никакого отношения, и закричит.

Но Володя горестно вздохнул:

– Видели на углу вывеску «Товары для всех»?

– Нет, а что?

– Склад у них тут, в подвале, машины приезжают большие, грузовые. Стоило парням уехать, как громадная фура подкатила и как раз около моего окна запарковалась, весь обзор закрыла. И главное, долго стояла, весь вечер почти, ее потом милиция прогнала, когда подъехала, ну и началось! Соседи все во двор выскочили, затем трупы потащили!

Распрощавшись с наблюдательным Володей, я пошла по направлению к метро. Так, отлично, в руках появилась тоненькая ниточка, вернее, паутинка. Насколько знаю, все машины регистрируют в ГАИ, и Юрасик в два счета узнает паспортные данные владельца.

От радости я решила побаловать себя и заскочила в кафе-мороженое. Милая девушка в голубом халатике ласково спросила:

– Какое желаете? Фисташковое, шоколадное, ванильное?

Я принялась изучать содержимое большого холодильника. В кафе не было ни одного человека, и продавщица явно скучала.

– С орешками или шоколадом?

Я проглотила слюну. Обожаю мороженое и готова есть его килограммами.

– Давайте ананасовое с шоколадом!

Девушка радостно улыбнулась:

– С каким?

– Он бывает разный?

– Да, один, налитый на шарик, застынет, другой останется жидким.

Бывшему советскому человеку нельзя давать выбор. Нас воспитывали по-другому: бери, что дают. Поэтому я теперь всегда теряюсь в магазинах – например, как решить, какую колбасу лучше взять: с паприкой, чесноком или грибами?

– Давайте с жидким.

Продавщица надавила какой-то рычаг и выставила на прилавок вазочку.

– С вас сто пятьдесят рублей.

– Сколько? – потрясенно спросила я, думая, что ослышалась. – Пятнадцать?

– Сто пятьдесят, – спокойно повторила девушка.

Я отдала требуемую сумму, села у окна и принялась разглядывать лакомство.

Интересно, из чего должно быть сделано мороженое, чтобы столько стоить? Из нектара и амброзии? Но на вкус белый шарик оказался точь-в-точь таким же, как

отечественный брикетик за шесть рублей. В полном разочаровании я поехала в Дом моделей.

Сегодня комнаты выглядели более или менее прилично, и в туалете никого не стошнило. Я быстренько потыкала пылесосом по углам, протерла тряпкой коридор и толкнула дверь в небольшое помещение, так называемый зимний сад. Отчего эта комнатенка так называется, совершенно непонятно. Никаких растений, кроме буйно зеленеющей пальмы, тут нет. Возле кадки стоит диван и два кресла. «Вешалки» засовывают в землю окурки и выливают остатки водки с шампанским. Для меня остается загадкой, отчего несчастное растение до сих пор не погибло, а, наоборот, чувствует себя с каждым днем все лучше и лучше. Я очень люблю цветы и, придя в первый день на работу в Дом моделей, пожалела несчастную пальму. Выгребла окурки, пробки от бутылок, вытащила кадку в коридор, установила ее возле окна и протерла листья влажной тряпкой. Неделю я изо всех сил ухаживала за несчастным растением, пока охранник не сказал мне со вздохом:

– Слышь, Виолка, не мучай пальму! Верни бедолагу на место.

– Да в нее сигареты втыкают и спиртное льют.

– Точно, – заржал парень, – эта пальма – алкоголичка, а ты у нее дозу отняла, и теперь она медленно загибается в мучениях.

– Не пори чушь, – рассердилась я, – зеленое насаждение не может пить водку!

– Тут ты ошиблась, – со знанием дела заметил секьюрити, – ханку не жрет только сова.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь: отбор манекенщиц для показа моделей.

2

«Живанши» – дом моделей экстра-класса.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/chert-iz-tabakerki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити